Евгений Нетт
Цена силы
Капеллан

Евгений Нетт

Капеллан: Цена Силы. Том II

«Автор»

2026

Нетт Е.

Капеллан: Цена Силы. Том II / Е. Нетт — «Автор», 2026

Я – Капеллан. И я сделал всё для того, чтобы этого звания лишиться. Прислушался к сердцу, проигнорировав долг. Отдался ярости, презрев смирение. Убил брата по Ордену, правоту которого не мог не признать. А теперь я готовлюсь изменить всё.И да будет Трон мне судьёй, если я ошибаюсь в своём стремлении!

© Нетт Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

[Арка VI: Прозрение]. Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 31
Глава 7 39
Глава 8 46
[Арка VII: Обретение]. Глава 9 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Евгений Нетт
Капеллан: Цена Силы. Том II

[Арка VI: Прозрение]. Глава 1

– Неправильно. – Зорак легонько стукнул по «моим» пальцам, сложившимся в совершенно незнакомые, но отчего-то отдающие чем-то ностальгическим знаки. – Забудь об этих рунах, мальчик. Они запрещены на территории Империи.

– Но мама…

– Неважно. – Резко оборвал «меня» капеллан. – Такое колдовство запрещено. Запомни это, если хочешь выжить и стать сильным…

Я стоял чуть в стороне, подперев спиной ствол могучего дуба, и пристально следил за происходящим, медленно складывая «еретические», но кажущиеся такими родными знаки.

Ничего сложного – лишь то, что мог запомнить ребёнок. Основы. Базис наподобие элементарных магических конструктов Ордена. Не что-то злое, опасное или плохое. Просто инструмент, который когда-то давно заклеймили запретным искусством, потому что он не вписался в узкие догматы «правильной» магии.

Я понимал, зачем это делалось, ведь всё плохое неизменно рождалось из лучших побуждений, чаяний и надежд. Но мог ли я принять это? Принять добровольный отказ от силы, которой, как показала практика, никогда не бывает много? Нет.

Поэтому я наблюдал, старательно повторяя все увиденные жесты и запоминая слова, которые Зорак вытягивал из моей маленькой, очень глупой в силу возраста копии.

Так продолжалось третьи сутки.

День начинался, когда «маленький Даррик» просыпался, и заканчивался, стоило ему сомкнуть глаза. Промежутков между днями не было, но я здесь и не уставал.

Даже наоборот: разум казался невероятно острым, схватывая всё на лету… или восстанавливая давным-давно забытое.

Нельзя, запрещено, забудь – эти три слова регулярно звучали в разных вариациях, вытесняя и затмевая всё то, что капеллан считал опасным.

А опасность он видел во всём, что хоть немного походило на ересь.

Хотя сам он, судя по оговоркам Орэна, брезговал только самыми мерзкими и грязными чарами. Даже у «меня» он сначала в деталях вызнал и записал всё, что касалось семьи и способностей матери-колдуньи, прежде чем начать искусно перекрывать запретные знания чем-то новым.

Как? Уроками, объяснениями, новыми впечатлениями. Стандартная практика, о которой я лишь читал, работала именно так.

Выкорчевать или оттенить самые яркие «пятна», прежде чем накладывать на воспоминания печать – обязательный этап, без которого блок не продержится сколь-нибудь долго.

В случае с ребёнком такая печать и вовсе должна была быстро стать чем-то от разума неотделимым… но по какой-то причине этого не произошло, с чем мне ещё только предстояло разобраться.

А сейчас я лишь наблюдал, запоминал и анализировал, стараясь не думать о том, что происходило с моим телом в реальном мире.

– Зорак, заканчивай. – Орэн вышел из тени, отряхивая испачканные в грязи руки. Как и оба раза до этого, сигнальную систему он устанавливал самостоятельно. – Малец уже клюёт носом. Всё, что ты ему сейчас рассказываешь, вылетит из его головы уже к утру.

Зорак обернулся, смерив напарника осуждающим взглядом. Но сопротивляться не стал, махнув «мне» рукой:

– Ступай отдыхать. Подъём рано утром…

На этом день должен был закончиться, но «я» сохранил достаточно сил, чтобы пролежать на боку ещё с четверть часа, притворяясь спящим и вслушиваясь в тишину ночного леса…

И в разговор капелланов, которые были свято уверены в том, что их подопечный крепко спит.

«Только не засыпай, Даррик. Только не засыпай» – мысленно взмолился я, цепляясь за начавшую понемногу расплываться «нереальность» всей своей волей.

– Ну? – Бросил Зорак недовольно, сев у костра и подбросив в него ещё одно полено. Устроившись поудобнее, он сцепил обе руки в замок, наклонившись. – Что тебе не нравится сегодня, друг мой?..

– То же, что и вчера, Зорак. Этот мальчишка слишком много знает об этом колдовстве. А мы даже не можем определить, от какого культа произошла эта ветвь. – Мужчина уселся напротив, вытянув ладони к огню. Костёр словно живой потянулся к пальцам капеллана, касаясь, но не обжигая их. – Неизвестно, какая сила заключена в его знаниях, и не вскроется ли однажды этот «гнойник».

– Он достаточно усерден, чтобы перебить всё лишнее тем, что я вложу в его голову по пути в обитель. Что же до знаний… – Зорак выдохнул. – Целенаправленно его не учили, а обрывками он сможет воспользоваться лишь тогда, когда раскроется его собственная магическая сила. И к этому моменту он уже будет капелланом, не говоря уже о том, что печать, скорее всего, останется с ним навсегда.

– Всё-то у тебя продумано. – Орэн фыркнул недовольно. – Но помяни моё слово, брат. Если правда однажды всё же всплывёт, неприятностей нам этот малец доставит много. Самостоятельно или через архонта – всё едино…

– Ты пессимист, Орэн. Закостенелый пессимист.

– Зато живой и на хорошем счету в обители…

Зорак засмеялся рвущим ночную тишину смехом:

– И поэтому тебя поставили присматривать за мной. Сомнительная честь, брат, очень сомнительная. Но, знаешь… – Мужчина улыбнулся. – Я рад тому, что из всех «надсмотрщиков» рядом оказался именно ты.

– О, как этому обрадуется архонт, когда поймёт, что со мной ты стал только хуже! Тогда она точно посадит тебя на цепь прямо под дверью своего кабинета, Зорак! – Всплеснул руками Орэн, лицо которого отражало сплошь недовольство.

Но недовольство не искреннее, а какое-то пресное, словно проявившееся из-за старой, бесполезной привычки.

– Это будет уникальный опыт. – Зорак усмехнулся, в то время реальность начала стремительно расплываться.

«Я» засыпал, и остановить этот процесс было невозможно.

А последним пробившимся через зыбкое марево звуком стал не голос Зорака или Орэна, а чьё-то несвязное гортанное бормотание. Спустя секунду в ноздри ударил терпкий запах каких-то трав…

И ночь резко сменилась утром.

Начался очередной «новый-старый день», который я намеревался запомнить от и до.

***

– Шор, принеси ещё немного настоя кет`саль. И возьми у Изиды щепоть дурмана, пришла пора его заменить. – Тихо и медленно, но отчётливо произнёс старый шаман, разминая на бледном теле пленника очередную охапку истлевших за ночь трав.

При малейшем движении они осыпались серым прахом, после чего старик тут же принимался смахивать сор жёсткой кисточкой, собранной из меха самого разного, но неизменно хищного зверья.

Шор не видел в этом процессе никакого смысла, ведь можно было изначально избавляться от мусора кисточкой. Но опаска перед шаманом принявшего их племени не позволяла ему просто спросить.

А старая Изида не могла ответить на этот его вопрос, потому как ничего не понимала в настолько специфичной области шаманизма.

«Смерть» – подросток сглотнул, продолжая завороженно наблюдать за монотонными действиями шамана, которого нисколько не смущало обилие костей и черепов – человеческих и звериных, в обилии расставленных вокруг лежанки имперца.

Но вот тени резко качнулись, и Шор отмер, резко вдохнув полной грудью. Всё это время он даже не дышал, и теперь нутро сильно жгло, вынуждая подростка вдыхать горьковатые, с нотками гнили ароматы, пропитавшие воздух в шатре.

– Я быстро! – Развернувшись, он вылетел наружу прежде, чем старый шаман успел открыть рот.

Не сбавляя темпа Шор побежал к убежищу шамана, наслаждаясь морозным, пробирающим до костей свежим воздухом.

Двуглавый шатёр встретил его привычной тишиной и запахом целебных трав, развешанных вдоль стен и под потолочными балками. Двое раненых, проходящих лечение, молча уставились на привычного гостя, а деловито растирающая сухие травы старуха по-доброму улыбнулась:

– На столе, Шор. Настой в глиняной баночке, дурман в мешочке. И не мешкай: дух его силён, того и гляди очнётся, болезный…

– Хорошо, бабушка. – Подросток коротко кивнул, похватал с устланной шкурами доски всё необходимое и так же споро добежал до края лагеря.

Туда, где вот уже третью декаду держали не приходящего в себя из-за дурмана имперского капеллана…

– Я принёс! – Откинув полог шатра, Шор протиснулся внутрь, поёжившись от ударивших в нос неприятных ароматов.

Не просто так работа помощника старика была тем, что с готовностью спихнули на него, «чужака», вызвавшегося чем-то помочь, чтобы отплатить за приют и доброту.

Никто не любил Смерть и Её духов, пусть этот аспект природы и был невероятно полезен. Покорялся, правда, не всем, но те, кто всё же постигал его, по важности становились вровень с вождями. За глаза такого шамана могли бояться, но никто не смел отрицать всей той пользы, которую он приносил племени.

Ведь только проводник воли духов Смерти мог вырвать из Её рук даже того, кому суждено вот-вот умереть.

«Иначе имперца бы ему не доверили, как пить дать!» – подумал подросток, с поклоном передавая старому шаману и глиняную баночку, закупоренную пробкой, и крепко, двумя узлами завязанный мешочек.

– Опять бежал и туда, и обратно, Шор? – Недовольно пробурчал старик. – Не ровен час, оступишься, уронишь добро и тогда дело будет худо! У нас и без того заканчиваются припасы…

Причмокнув и бросив хмурый взгляд на имперца, шаман откупорил баночку с настоем. Зачерпнул кончиками пальцев немного этой густой, точно подогретая смола, субстанции, и приступил к её нанесению на тело «больного».

– Он ведь будет очень злым, когда очнётся. – Тихо бросил Шор, не отрывая взгляда от своеобразного ритуала. Мазь наносилась не абы как, а вдоль костей, там, где они были ближе всего к поверхности кожи.

А ещё сам настой не был чем-то, что использовалось так уж часто, ведь свойства у него были специфическими. Завязанными на всю ту же Смерть, если говорить точно.

– «Злым»? – Старый шаман хрипло рассмеялся. – Очнётся ли он вообще – вот настоящий вопрос, мальчик. Его дух могуч и упрям. Он рвётся назад, в бой. Вот только магия в его теле нездорова…

Старик аккуратно втёр последнюю каплю густой мази в ключицу имперца, соединив тем самым части сложного, витиеватого контура. Кожа под мазью на мгновение побледнела ещё сильнее, а после проступила сетью тончайших бордовых жил, исчезнувших так же стремительно, как и появившихся.

Прокашлявшись и взяв в руки мешочек с дурманом, шаман взял первую щепотку, поместив её в первый череп. Из глазниц тут же потянулась сизая дымка, а он продолжил говорить:

– «Петля» держит его здесь. Не даёт спалить то, что мы латаем наживую. Эти шрамы… – Старик ткнул покрытым серебрящимся порошком пальцем в грудь «пленника». Тот вздрогнул, и от сердца к конечностям протянулись тёмные линии, в точности повторяющие контуры кровеносной системы. – … оставила его собственная сила. Его не учили. Или учили, но не тому и не те. Капелланы, ха…

– Капелланы сильные. И опасные. – Буркнул Шор. На его глазах шаман «оживлял» черепа один за другим, добавляя в них дурман… и что-то ещё.

Что-то, что подростку виделось в форме искажённых, срывающихся с сухих пальцев шамана теней. Каждая из них перетекала в новое вместилище и плясало в пустых глазницах, порываясь вырваться вовне.

Но стоило Шору сосредоточить взгляд – и наваждение пропадало без следа.

– Спорить с этим всё равно, что пытаться убедить подвинуться гору. – Старик легко согласился со словами помощника, кивнув. – Только вот, юный Шор, не всегда сила – результат правильного обучения. Наши охотники могут научить тебя разить птиц стрелами, и ты спустя годы станешь «сильным». Поседеешь, станешь прославленным охотником, уважаемым членом племени, отцом и, возможно, даже старейшиной. И никогда не узнаешь о том, что с твоим телосложением путь воина позволил бы добиться высот куда больших. И обрести настоящую, а не мнимую силу. Понимаешь?

– Так его что, учили неправильно? – Шор чуть наклонился, пытаясь заглянуть в глаза шамана, начавшего отвязывать какие-то мешочки с травами, прежде сложенные у изголовья лежанки.

– Капелланов всегда так учат, мальчик. Веками учат. И это правильный подход, в каком-то смысле. – Старик сухо прокашлялся. – Только этому имперцу такое обучение пусть не повредило, но и не помогло в полной мере. Его привечают духи Смерти, тянутся к нему, как к родному, но он, видно, об этом не знал. И когда в час нужды они откликнулись на его зов, этот имперец не уважил их, не направил, не оказал должных почестей. Итог перед тобой…

Шаман указал ладонью на Даррика. Бледного и истощённого, укрытого уже начавшими увядать травами и окружённого черепами людей и животных. На его теле влажными мазками блестели узоры, начертанные «провожающим мёртвое» настоем кет`саль, а грудная клетка вздымалась при каждом вдохе рвано и прерывисто.

– А сейчас его лечат те же духи?

Старик фыркнул:

– Лечат его настои, покой и время. А Смерть удерживает душу там, где её уже не должно быть. И одновременно позволяет привыкнуть к Ней, ведь иначе этот имперец всё равно отдаст душу своему «трону», едва коснётся Потока. – Шаман убрал руки за спину, чуть выпрямив

обычно сгорбленную спину. – Всё. Пойдём отсюда. Нам предстоит ещё много труда до заката светила…

– Благодарю за науку! – Шор глубоко поклонился шаману, добившись удовлетворённого хмыка. А после они вышли наружу, направившись прямиком к двуглавому шатру.

Неудержимая, вечно голодная и злобная сила гнала племена говорящих-с-духами на юг, а вождь Сирриар, укрепившись среди скал и снегов, с готовностью принимал под своё крыло немногих выживших. В итоге племя обрастало новыми ранеными быстрее, чем успевало ставить на ноги старых, а шаманы и лекари трудились, не покладая рук.

А это значило, что их всех ждало ещё много, очень много грязной, но нужной работы…

Глава 2

– Понимаешь… – Протянул Зорак, глядя вдаль, на большой каменный мост, соединяющий два берега полноводной реки. С одной его стороны толпились люди и тянулись вереницей гружёные повозки и телеги. Их досконально проверял конный разъезд стражи – причина, по которой капелланы и решили сойти с тракта, чтобы не терять время. – … Ордену уже тысячи лет, а Империи ещё больше. Но эпоха экспансии почему-то как прекратилась три века назад, так и не началась вновь. Мы только теряем, но ничего не приобретаем.

– Ироды Севера с тобой не согласились бы. – Орэн, мазнув взглядом по маленькому мне, копошащемуся в воде у берега, встал по левую руку от не в меру радикального товарища. – И двадцати лет не прошло, как их смели на многие десятки километров вглубь пустошей. И остановились наши армии только потому, что в дальнейшем продвижении не было смысла…

– Именно. – Хмуро кивнул Зорак. – Именно, Орэн. Я не умаляю заслуг наших братьев, воинов Имперской армии и возглавляющих их воевод. Ироды действительно дали нам жёсткий отпор, пролив немало крови… но, брат мой, ты сам сказал – пустоши и скалы не представляют ценности сами по себе. Нам они были нужны, чтобы образовать границу вдалеке от городов, которую удобно будет оборонять. Бесплодную, лишающую врага возможности пополнить припасы на месте или незаметно провести крупные силы лесами, как бывало на востоке. И нелюди сражались за клочок пустошей, которой ни конца, ни края на протяжении сотен километров…

– Эта кампания позволила нам открыть и начать разработку рудников, которые и по сей день снабжают доброй сталью и металлами три региона разом. – Орэн качнул головой. – Я уже не говорю о том, что с той поры набеги иродов полностью прекратились, а это дорогого стоит.

– И всё же, я не могу признать это полноценной экспансией. Мы щёлкнули нелюдей по носу и напомнили, почему они забились в угол триста лет назад, уступив Империи большую часть своих земель. Но одно только то, что долгоживущие твари смогли забыть о силе человечества…

Зорак замолчал, когда от берега раздался хлёсткий и громкий всплеск.

Я же хмыкнул, глядя на то, как моя маленькая копия удивлённо рассматривает свои ладони, покрывшиеся сеткой крошечных порезов.

Последствия неумелой попытки провести через них энергию. То, через что проходят все послушники… после соответствующего обучения с сотнями попыток, а не единичной демонстрации такой возможности.

Зорак со всем его опытом недооценил «меня» и «мою» упёртость.

«А ведь в обители я освоил эту технику сходу и без травм. Значит, на деле я уже успел её попробовать… просто забыл об этом. Вернее, меня заставили забыть».

А Орэн тем временем первым спрыгнул на речной песок с отвесного двухметрового бережка, приблизившись к моей маленькой копии. Донельзя ответственный, этот мужчина на ходу умудрился достать из сумки мазь и бинт, так что уже спустя минуту «я» щеголял двумя серыми лопатами из ткани вместо ладоней.

– Зорак!..

Капеллан в ответ на это восклицание, наполненное нешуточным гневом, лишь развёл руками:

– Ты сам видел, чему я его учил.

– Ты не мог не понимать, что с таким потенциалом он добьётся успеха… – Орэн резко замолк, выдохнув. Его глаза расширились чуть больше обычного. – Ты знал, что так будет. И допустил это.

– Это неизбежный этап, так или иначе. Повреди он ладони тут или в обители – разницы нет. И, друг мой, это именно то, что я пытаюсь до тебя донести. – Он поравнялся с Орэном,

перейдя на шёпот. – Представь, что каждый второй послушник обладал бы такими возможностями. Не недели на освоение этой техники, а часы. Не жалкие огрызки настоящей магии, а полноценная мощь. Мощь, до которой мы порой не можем докричаться годами, Орэн.

– Наша работа была бы стократ опаснее, обладай члены Ордена таким потенциалом. – Процедил мужчина сквозь зубы, покосившись на навострившего уши «меня». – Чем больше сила, тем больше искушение. Капелланы слишком тесно соприкасаются с ересью всех мастей, чтобы так рисковать…

– Знакомые слова, да только устаревшие лет так на тысячу. Это тогда Орден имел возможность не рисковать, ведь и нас было больше, и Империя стояла на ногах куда крепче. Но сейчас, когда каждый пятый актуариус гибнет в первый месяц службы, а до ранга орденариуса доходит один из десяти, нам бы пригодилась любая сила.

– Любая… – Орэн посмотрел на друга с неприкрытым осуждением. – Не всякую силу можно черпать без оглядки, и ты это знаешь. Как знаешь и то, что молодняк порой жаждет всех спасти и защитить любой ценой. И останавливает их только физическая невозможность эту цену заплатить…

Зорак открыл рот, чтобы ответить, но Орэн крепко схватил его за предплечье, встряхнув:

– Вспомни себя в молодости, брат. Или даже меня. Где бы мы были, если бы труды культов Ровенантского региона поддались бы нашей жажде знания и силы? Если бы они могли дать то, чего всем так не хватало на том проклятом пепелище?..

Оба капеллана синхронно сжали кулаки.

Один – от вцепившегося в сердце нежелания принимать чужую правоту и отчаянного стремления подобрать контраргумент.

Второй – от страха за друга и за ребёнка, который из-за их своеволия мог встретиться с судьбой куда более жуткой, чем милосердная смерть от меча защитника человечества.

– Мы были бы мертвы. Но… – Зорак шумно выдохнул. – … ты бы первым принёс такую жертву. Сразу же, едва поняв, что так можно спасти целый город.

Орэн усмехнулся, прищурившись:

– Ты прав. Я бы без раздумий отдал бы свою жизнь ради спасения многих тысяч, сгинувших в Ровенанте и вокруг него. Так поступили бы все братья и сёстры, которых я знаю. Но это лишь намерение. Ересь… – Мужчина покосился на «меня», сосредоточенно слушающего. – … это то, что может извратить любую душу, коли ей позволят в неё просочиться. Раз – и ты используешь запрещённое во благо, принося себя в жертву. Два – и ты уже находишь оправдания для того, чтобы погрузиться глубже, продолжая жить. Три – и вчерашние товарищи смотрят на тебя как на врага, угрожающего всему человечеству.

– Я – живой пример обратного. – Зорак ударил себя свободной рукой в грудь. – Я не пал до сих пор, и не паду в будущем!

– Ты осваивал недоступное прежде постепенно, идиот! – Орэн встряхнул напарника, поджав губы. – Шаг за шагом, понимая, что ты делаешь и зачем! И накапливая опыт. Но если бы у тебя пару десятков лет назад был потенциал этого мальчишки, то в мире родилось бы настоящее чудовище!..

Капеллан сглотнул вставший в горле ком. Замолчал ненадолго, подбирая слова.

– Это ведь так просто, брат: взять силу, которая сама просится в руки, и исправить ошибки старших товарищей. Сделать так, как правильно. Ты уже тогда мыслил радикально и масштабно, но поделать ничего не мог. Для катастрофы тебе не хватило силы и только её. А сколько таких капелланов жило до нас, живёт сейчас и будет жить после? Ты и сам знаешь, что радикалов в Ордене более, чем достаточно.

– И с каждым годом нас становится только больше. Не от хорошей жизни. – Зорак отвернулся и сплюнул на песок. – Если ничего не сделать, то уже ученики наших учеников волками взвоют, глядя на то, как Империя рассыпается на части.

Орэн зажмурился, размышляя. Он хотел бы сказать, что не всегда простой путь – самый лучший, но знал, что ответит Зорак. И даже был заранее согласен с тем, что у Ордена в запасе имелись века на то, чтобы доказать правильность пути строгого соблюдения старинных уставов и слепого следования догмам.

Но время это подходило к концу, а дела у человечества становились всё хуже.

Требовалось что-то менять, да только никто не знал, что именно.

– Мы присмотрим за этим ребёнком. Удостоверимся в том, что твой план имеет право на жизнь. – Орэн перевёл взгляд на друга. – Он станет первым. И если всё пройдёт как должно, то к моменту его становления мы получим возможность расширить «проект».

– А если нет – исправим свою ошибку. – Зорак медленно кивнул. – Так я и хотел поступить изначально. С тем лишь отличием, что я возьму его как актуариуса под своё начало. И обучу всему, что знаю сам. Так, чтобы Даррик не пал...

«И где же ты теперь, капеллан?» – в моей голове промелькнула эта едкая мысль, разбившаяся об леденящее душу осознание, которое на самом деле закрепилось в моём разуме уже давно.

Он мёртв. И он, и Орэн.

Я никогда не слышал их имён. Никогда не видел лиц. А ведь всех опытных и мудрых капелланов региона, тех, кто прожил больше полувека и продолжал служение Трону, можно было легко записать на четверти одного библиотечного свитка.

«Как иронично. Здравая идея, осторожный эксперимент… и провал, продиктованный лишь нежеланием подстраховаться и посвятить в тайну больше людей. Но я извлеку из этого урок. Пусть и не такой, какой извлёк бы настоящий капеллан».

Я прищурился, наблюдая за тем, как постепенно мир вокруг рассыпается. «Я» вместе с обоими капелланами шёл к броду, а вместе с этим смещался и «мой» фокус внимания.

Мне оставалось лишь идти следом, потому что проверять, куда пропадает всё «не существующее» в «моих» воспоминаниях желания не было совершенно.

***

На улице раздались бравые выкрики гвардейцев, а в следующую секунду хлёстко ударили полы палатки. Внутрь, на ходу стягивая с головы задубевший капюшон и рассыпая по коврам снег, вошла женщина, мигом приковавшая к себе немало взглядов.

Собравшиеся вокруг огромного, наскоро сколоченного из досок стола, капелланы кивками и поклонами поприветствовали Лаэну Висс. Вейра лишь фыркнула. Маги двух башен ограничились равнодушными, нейтральными взглядами, а офицеры Имперской армии, включая Периона Лоу, третьего воеводу севера, вразнобой отдали честь, тем самым выказав если не наивысший уровень уважения, то близко к тому.

За прошедший с начала кампании месяц Висс успела проявить себя там, где сгинули многие другие. И на поле боя, и в стремительных карательных наскоках она заслужила настоящее уважение среди тех, кто прежде видел в ней лишь носительницу звания капеллана-орденариуса – защитника человечества перед лицом самых жутких угроз.

– Продолжайте. – Висс кивнула, чуть улыбнувшись. На сером от усталости и недосыпа лице это выглядело как нелепая попытка внушить окружающим, что она до сих пор свежа и полна сил. – Срочных донесений у меня нет. Только… предложения.

Последнее слово было произнесено неуверенно и так, будто женщина и сама не знала, как обозначить всё то, что она планировала изложить на очередном военном собрании.

– Кхм-кхм. – Воевода прокашлялся, вновь привлекая к себе внимание. – Тогда продолжим. Для новоприбывших – утром наши войска окончательно закрепились на руинах «Серого Вала», «Волчьего Клыка», «Ледяной Насыпи» и всех остальных крепостей этого рубежа. Раз-

вёрнуты укрепления, налажена система разъездов и разведки. Помимо этого, двое суток назад усилиями Ордена был совершён прорыв вглубь фронта. Координирующая чуждых особь, отправленная на замену уничтоженной силами наших доблестных пограничных гарнизонов, перехвачена. И это должно выиграть нам ещё немного времени на развитие контрнаступления…

Воевода продолжал говорить, но Вейра, держащаяся обособленно ото всех сразу, зажмурилась при упоминании «доблестных гарнизонов» и уже его не слышала.

По прошествии стольких дней никто не упоминал имён, хоть все присутствующие и знали, что сохранить границу в относительной целостности на этом участке удалось благодаря жертве небольшой горстки солдат, капеллана-орденариуса Роэна Сивара…

… и актуариуса Даррика Саэля.

Конечно же, никто не прислал донесений об успехе невыполнимой на первый взгляд миссии. Тому не осталось свидетелей, но последствия затронули весь фронт.

В тот злополучный день именно здесь, на рубежах крайнего севера, чуждые лишились своей главной силы – способности координироваться и действовать с методичностью и слаженностью единого организма, занимающего десятки тысяч тел разом.

Имперская армия развила наступление, и за счёт этого где замедлила, а где и остановила продвижение страшного, ударившего даже в глубоких тылах врага.

Чуждым была ведома концепция тактики и стратегии, так что открывать фланги, неравномерно вгрызаясь в «тушу» Империи, они не захотели, сфокусировавшись на попытках окружить и уничтожить группировку, зашедшую вглубь контролируемой нелюдями территории.

И сейчас усилия обеих сторон были во многом сконцентрированы на этом клочке земли, где продолжали греметь самые крупные, кровопролитные и важные сражения.

– Эй. – Лёгкий тычок в бок вырвал Вейру Куорн из глубин её собственных, одинаково пессимистичных и отчаянных мыслей.

Девушка обернулась, хмуро и тихо бросив:

– Чего ещё, Айдра? Я уже сказала, что мне и одной неплохо…

– Неплохо-то неплохо… – Отозвалась Айдра, понизив голос до шёпота. Её лицо, обезображенное ожогом, было бледным, но глаза горели знакомым Вейре неуёмным напором. – Но ты пялишься на воеводу, словно хочешь испепелить его взглядом. Маги эти, «синенькие», уже на тебя поглядывают… небось, думают, что ты не в себе. Или того хуже.

«Пусть думают» – промелькнуло у Вейры в голове несмотря на то, что в реальности она сжала губы… и кивнула, признавая правоту «варварши».

Хотя бы в том, что она привлекала излишнее внимание.

– Спасибо за заботу… – Процедила магесса, наконец оторвав взгляд от о чём-то вещающего воеводы. Встрепенувшись, она выпрямилась, бросив недовольный взгляд на магов, которые действительно с беспокойством на неё поглядывали. – Я это учту.

На публике Вейра держалась стойко, пока могла. Но иногда на неё накатывало что-то такое. Не ярость, а холодная, проникающая в каждый закуток сознания пустота, подтачивающая её рассудок и взывающая лишь к одному: к мести.

Ничем другим ту дыру, которая в ней образовалась после смерти Даррика, заполнить не выходило.

Она честно пыталась, но шли дни, недели, недавно минул месяц с начала войны, а удовлетворение ей приносило лишь участие в боях. И билась она не вместе с другими магами, которых оберегали и порой не давали даже насладиться делом рук своих, а на передовой, там, где проливали кровь солдаты и члены Ордена.

Лишь там, замораживая, растирая в кашу и сжигая нелюдей Вейра чувствовала себя живой. Чувствовала, пока повторяла его заклинания и его жесты, руководствовалась его наставлениями и претворяла в жизнь то, за что боролся он.

Это не приносило настоящего облегчения, но ненадолго заглушало эхо его голоса.

Голоса, умолкшего навсегда.

– После совета пойдёшь с нами? Собираются все наши. – Предложила Айдра, аккуратно опустив руку на хрупкое плечо магессы. – Капеллан Висс заглянет ненадолго. Посидим, помянем павших. Когда ещё такая возможность представится?..

Вейра обернулась, и взгляд её объятых гневом золотых глаз даже храбрую и напористую Айдру пробрал до костей.

Но от неё всё равно не укрылось то, как магесса вцепилась в гримуар Даррика, закреплённый у неё на поясе.

– Меня это не интересует. – Вейра Куорн резко кивнула в сторону воеводы. – Поговорим потом. У нас совет, и сейчас наконец-то расскажут что-то новое…

– … наши основные силы продолжат укрепление рубежей. Нынешняя линия – наш оплот и кость в горле чуждых. А наступление мы сможем продолжить через несколько месяцев, когда потеплеет, а тыловые силы подавят нелюдь и наладят полноценное снабжение. К этому моменту Башня Аруанор обязалась поставить достаточное количество стационарных выявляющих зло арок, чтобы можно было наконец разгрузить кордоны и заслоны, удерживающие беженцев на границах. Вопросы?

В зале повисло тягучее молчание, не продлившееся долго.

Его нарушила Лаэна Висс, сделав шаг вперёд:

– Воевода, с вашего позволения. Чуждые не воюют за территорию. Они её перерабатывают. Каждый день даёт им возможность превратить ещё одну нашу деревню, город или караван беженцев в очередной инкубатор для новых тварей. – Она медленно обвела взглядом всех собравшихся, от капелланов и офицеров до магов. – Я считаю, что мы обязаны развить наступление. Если не вглубь, то вширь, чтобы снять давление с участков фронта, на которых ситуация куда хуже.

Воевода задумался на несколько секунд:

– Это риск, капеллан Висс. Погнавшись за большим, можно легко лишиться меньшего. Чуждые отступили, но пока мы не можем точно сказать, какими силами они располагают. Разведчикам нужна по меньшей мере неделя, а то и две. – Мужчина покачал головой. – И распыляться… варлорд не одобрит такой план.

Но Висс не собиралась сдаваться так просто.

– Я не предлагаю распылять основные силы, воевода. Но успех миссии с перехватом «мозга» роя, который они пытались доставить на место взамен уничтоженного пограничными силами, показывает, что мы можем и должны задействовать больше сильных мобильных групп. – Офицеры и капелланы на этом моменте одобрительно загудели. – Орден наращивает присутствие на этих рубежах, а значит в вашем распоряжении – огромные возможности. Нужно лишь задействовать их, а не держать «под рукой».

– После столь дерзкой вылазки рой не мог не сделать выводов, капеллан. Время уже показало, что мы имеем дело с опасным врагом, на стороне которого падшие маги, их интеллект и возможности. – Представители Аруанор синхронно вздрогнули. Тот факт, что у чуждых появился доступ к Имперской школе чародейства, сильно ударил по их репутации, и им это закономерно не понравилось. – Попытки повторить манёвр будут вдвойне опаснее. А лишние потери нам не нужны. Особенно среди капелланов.

– Миссии могут быть разные, воевода. Мы можем избегать столкновений с чуждыми, поставив перед собой иную цель – истребление диких животных, разрушение переправ и мостов, поиск выживших и выведение их из опасной зоны…

– Речь идёт о варварах? – Мужчина приподнял бровь. – Не думаю, что искать контакта с ними разумно. Они примитивны, но их шаманы могут доставить хлопот даже воинам Ордена…

– И они доставят, если попадут в руки нелюдей. Прецеденты попыток захвата «особо ценных» людей нам известны. А «наглядные примеры» того, что может произойти, если это допустить, уже послужили чуждым во множестве боёв, убивая членов Башен… – Висс коротко кивнула магам. Она относилась к тем немногим, кто считал, что маги на стороне чуждых не пали, а были порабощены силой. – Если соблюдать разумную осторожность, то такие вылазки принесут только пользу.

– Башня Аруанор поддерживает намерение капеллана Висс. – Представитель названной Башни повысил голос. Следом отозвались и их «коллеги» из второй башни, другие капелланы и даже офицеры.

За считанные минуты случайная инициатива трансформировалась в единое намерение множества людей, и на это воевода уже не мог просто закрыть глаза.

– Тишина. – Перион Лоу поднял руку, и в тот же миг голоса в палатке начали стихать, пока не пропали окончательно. – Я принял решение. Капеллан Висс, на вас организация двух групп. Лидеров и членов их выберете самостоятельно, о готовности сообщите мне перед тем, как они покинут расположение наших войск.

И Висс не была бы собой, если бы не уловила всех нюансов:

– У меня есть опыт действия в тылу врага. Я могла бы возглавить одну из групп…

– Исключено. – Отрезал воевода. – При всём уважении, капеллан, но вы нам нужнее здесь. Опыт можно передать. Но лишиться знамени всего похода мы себе позволить не можем.

Висс прищурилась, краем глаза заметив, как среди присутствующих с этим соглашается всё больше и больше людей: офицеров, магов и даже капелланов.

– Пусть так. – Женщина бесшумно выдохнула, подавив вспышку гнева. – В таком случае я всё сказала, воевода. И я бы хотела незамедлительно приступить к формированию отрядов…

«Пока ещё не слишком поздно» – мысль страстно хотела быть озвученной, но Лаэна прекрасно понимала, когда можно продемонстрировать характер, а когда стоит уступить.

Ведь несмотря на то, что даже молодой орденариус стоял выше любого воеводы в рамках своих полномочий, включающих и противостояние нелюдям, ключ к успеху крылся в поиске компромиссов и принятии совместных решений, учитывающих опыт как военных, так и экспертов по борьбе с ересью.

Просто так и без причины пытаться навязать свою волю – ошибка, могущая стать фатальной…

– Приступайте, капеллан. Моё дозволение с вами.

… и капелланы это понимали, до поры просто наблюдая за действиями Имперских офицеров.

И выступая советчиками, к словам которых настоятельно рекомендовалось прислушиваться.

– Айдра, Харр, Ноган, Яльцег… – Назвав четыре имени, Висс кивнула в сторону выхода.

Но когда в лицо женщины ударил порыв холодного северного ветра, рядом с ней замерло не четверо, а пятеро человек…

Глава 3

Дети воспринимают мир куда ярче взрослых.

Я дошёл до этого не сразу. Не на первый и даже не на десятый день своего «заключения» в прошлом. Потому что слишком много всего происходило здесь, в мире, сотканном из моих же воспоминаний.

Но сейчас, когда затянувшаяся на многие дни эпопея подошла к своему финалу, я остановился… и обратил внимание на то, что существовало в фоне.

Холод летнего вечернего воздуха ощущался леденящим кожу, звуки звучали чётче и громче, а визуальные образы воспринимались ярче.

На контрасте с выцветшими серыми пейзажами севера я ошибочно решил, что середина лета и должна быть такой – абсурдно цветастой, полной ароматов трав и различных звуков. И теперь, когда группа вошла в первый на их пути город, резко осознал, что это «маленький я» воспринимал всё так и никак иначе.

Всё, от начала и до конца проходило через призму детского восприятия, а хоть какую-то цельность и стабильность реальности-из-памяти придавал сам Поток

И он же дорисовывал детали на пару с воображением ребёнка, которым я тогда являлся.

Из этого следовало не только то, что восприятие с возрастом притупляется. Это как раз-таки было наименее значимой деталью.

Подлинной значимостью обладал только тот факт, что теперь я едва ли мог слепо доверять всему услышанному и увиденному в этом отголоске былых времён.

«Стоило бы додуматься до этого с самого начала… но чего уж теперь?».

Какова вероятность того, что ребёнок сможет запомнить все разговоры, все события в точности и без искажений? Нулевая. Это невозможно. И уж точно дитя не сумело бы отпечатать в памяти два месяца пути, по которому я-нынешний смог пройти от и до.

Можно ли было при таких исходных слепо довериться Потоку – большой вопрос, на который у меня не было гарантированно верного ответа.

Ведь несмотря на то, что в обители через мои руки прошли десятки трактатов об этом пути магии, я даже отчасти себе не представлял, чем является Поток и как он работает.

Орден научился выжимать из минимума информации о нём максимум пользы для ритуалов, а маги, со слов Вейры, зашли лишь немногим дальше, опираясь на состояние Потока при сотворении действительно мощных, комплексных и оттого капризных чар. Что-то вроде прогнозирования погоды перед тем, как отправиться в дальнюю дорогу. Полезно, но ничего не говорит о природе туч, ливней и гроз.

Отдельные уникумы умудрялись через Поток «видеть» будущее и его ветвления, но это было очень ненадёжно и покорялось единицам из тысяч гениев этого пути магии.

Истинные Маги… о них даже говорить не было смысла.

Что в итоге? Собрать все эти разрозненные клочки знания в кучу и сказать, что Потоку можно верить, и «мои» воспоминания – истинные, я не мог.

Как не мог и доказать обратное.

Зато в моих силах было освежить в памяти слова наставников о тварях из-за Кромки, их методах и Пределе, переступив который можно было увидеть в том числе и ложные образы будущего и прошлого.

Это случалось даже с сильнейшими магами и капелланами, и приводило к неизменно ужасным последствиям, когда, – не «если», – те принимали увиденное на веру.

А ещё особняком стояла моя связь с роем, в этом состоянии почти не ощущающаяся. Но и её нельзя было сбрасывать со счетов.

Стать послушным инструментом в руках врага, а то и просто галлюцинаций, мне хотелось даже меньше, чем просто умереть.

– Даррик, сейчас ты должен раз и навсегда уяснить кое-что. – Зорак, этот кажущийся порой холодным и злым капеллан, опустился передо «мной» на одно колено. – Печать, которую мы собираемся тебе поставить, «усыпит» все вредные и опасные воспоминания в твоей голове. Это необходимо, если ты хочешь стать сильным и отомстить за родных. Ты же хочешь этого?

– Да. – «Я» кивнул незамедлительно, а в «моих» глазах промелькнуло что-то до одури знакомое. – Хочу. Я хочу стать капелланом.

Видимо, упорным Даррик Саэль стал задолго до того, как обосновался в хранилище знаний обители.

– Тогда постарайся не мешать тому, что будет происходить. Поток, следуя правилам ритуала, сам найдёт и запечатает всё лишнее. Ты не сможешь этому помешать, но от твоего поведения во время ритуала зависит, насколько долго ты будешь восстанавливаться…

Зорак ответственно подошёл к делу, и объяснял моей маленькой копии всё настолько подробно, насколько в этом вообще был смысл. И отвечал на закономерные вопросы, которых у «меня» в голове образовалось великое множество.

В то же самое время как я сам, наблюдая со стороны за творящимся в большом зале арендованного на месяц дома в черте города, запоминал детали.

Не потому, что ритуал был мне на знаком. Как раз наоборот – я знал достаточно, чтобы воспроизвести его в случае нужды.

Вот только «чистым» он не был, и даже при поверхностной оценке было видно, что капелланы привнесли в него целую кипу изменений. А уж насколько эти изменения реалистичны я проверю потом, когда и если представится такая возможность.

И уже отталкиваясь от результата пополню один из списков, содержимое которых говорило в пользу «истинности» затянувшегося видения или против неё.

– И последнее. – Зорак мазнул взглядом по силуэту Орэна, скрывшегося за дверью. И осторожно, почти демонстративно стёр пальцем тонкую перемычку в контуре ритуального круга. – В день, когда печать падёт, ты уже будешь самостоятельным капелланом. Орденариусом. И, как бы мне ни хотелось иного, ты сразу поймёшь, зачем мы сделали это с твоим разумом. Империя – колосс на глиняных ногах, и Орден – подпорка, по которой в последние десятилетия струится всё больше трещин. У тебя будут вопросы, и я надеюсь, что ты найдёшь в себе силы задать их мне, а не начать мстить. Но если к тому моменту я исчезну…

Капеллан хмуро усмехнулся, выудив откуда-то талисман, исчерченный ритуальными символами настолько плотно, что лист казался тёмно-синим, полностью покрытым чернилами. Одно движение – и листок, коснувшись «моего» лба, рассыпался пеплом.

– Запомни, Даррик. Седьмая столичная библиотека Ордена. Седьмой зал. Седьмой шкаф. Седьмая полка и седьмой трактат на ней. Там будут ответы на многие вопросы, которые получить сможешь только ты. Мои записи «примут» тебя в течение тридцати лет с этого момента. Может, чуть меньше. Учитывай это…

Зорак встал, выйдя за пределы ритуального круга. Кивнул вернувшемуся напарнику, который жестом показал, что снаружи всё нормально. А после оба капеллана, встав с противоположных сторон круга, опустили ладони на дощатый пол, расчерченный самым обычным мелом.

Большая сила тут была без надобности, и потому подходила любая твёрдая поверхность и любой материал, которым можно было что-то нарисовать.

– Даррик, глубоко вдохни и задержи дыхание. Когда станет невмоготу терпеть, начинай дышать, как обычно. Мы начинаем!..

В этот самый миг мир вздрогнул, начав выцветать и рассыпаться с огромной скоростью.

Я рефлекторно отпрыгнул от не чёрной, а совершенно пустой стены резко сжавшегося до границ ритуального круга «ничего». Прошёл сквозь силуэты капелланов, подавляя желание растолкать их или как-то заставить реагировать на моё присутствие.

Встал в упор к «себе», заозиравшись в попытках найти выход…

Которого не было.

Это было страшно, и страх этот не поддавался хоть какому-то контролю. Даже близкая смерть казалась явлением более предпочтительным, чем столкновение с тянущей ко мне лапы пустотой.

Пустотой безвольной, равнодушной, не-существующей и готовой обратить в ничто плоть, душу, магию – что угодно.

– И что дальше? Конец?.. – Прошептал я себе под нос, тут же осознав, что сказать-то я что-то сказал, да только ничего не услышал.

Или не издал звуков, которых вокруг более тоже не существовало.

Следующим «шагом» стали покинувшие меня ощущения тела. Прилегающая к коже одежда, сухость в горле, давление пола на стопы, ритмичная работа лёгких, вес волос на голове – всё пропало. И зрение начало слабеть, грозя в один момент сжаться в точку и погрузить меня в абсолютную тьму.

«Это будет самый бесславный финал из всех возможных» – промелькнула в сознании паническая мысль, одновременно ставшая для моего самоконтроля последней каплей.

Я фактически расписался в собственной беспомощности… и это, как я узнал впоследствии, спасло меня от судьбы более страшной, чем смерть.

Не осознанные шаги, но инстинкт заставил меня потянуться куда-то на периферию, игнорируя последние отголоски растворяющегося вокруг «мира». И я пытался, отчаянно пытался нащупать хоть что-то, способное заполнить пустоту, в которой медленно затухал мой разум, лишённый чего-то, на что он мог бы отреагировать.

И в последний момент у меня получилось.

Я уловил что-то бесконечно далёкое и слабое: сначала запахи щекочущего ноздри дыма, следом – аромат степных трав. Неимоверно, почти до одури обрадовавшись, я вцепился в эти ощущения обеими руками, потянул на себя… и почувствовал себя настолько странно, насколько только возможно.

С одной стороны, меня моментально распёрла эйфория от обретения проклёвывающихся по-одному чувств.

А с другой, чувства эти не приносили ничего, кроме боли.

Болели мышцы спины и обеих рук. Тупая пульсация отдавалась во всех костях разом, а лёгкие горели от приторного аромата, заменившего собой весь чистый воздух. Горло саднило так, что хотелось перевернуться и откашляться как следует, но даже пальцы едва шевелились, реагируя на мои попытки хотя бы сжать кулак.

И что самое важное – по мере того, как ко мне возвращалось ощущение моего собственного израненного тела, прежде кристально ясное сознание заволакивало мутной поволокой отягощения материальным.

Близость к пустоте показала, что это на самом деле такое – разум человека сам в себе.

И наглядно продемонстрировала, почему многие капелланы так напирали на необходимость самостоятельного освоения в более зрелом возрасте бесполезной на первый взгляд способности – медитации.

«Если с её помощью можно войти в такое состояние… я обязательно этому научусь» – дал я сам себе обещание, содрогаясь от боли и эйфории одновременно.

А в это же самое время сквозь затихающий гул всё чётче и громче пробивались чужие голоса на искажённом, но узнаваемом языке Империи. Гортанный говор, рублёные окончания,

выброшенные за ненадобностью предлоги – даже в таком состоянии я понял, что рядом со мной находились варвары севера.

– … не действует. Духи отказываются держать его в мире, что ближе к Смерти. И ты знала об этом, Изида. Знала, что так получится. – Хрипло и недовольно произнёс некто немолодой.

– Этот исход был настолько же неизбежным, насколько неизбежна старость, подтачивающая твою память, Нериад. Или ты и в этом сомневаешься? – С какой-то ехидцей произнесла старуха, отозвавшаяся на столь необычное имя. – Я предупреждала тебя о том, коли ты забыл…

Раздалось приглушённое фырканье, перестук дощечек о глиняную посуду. Я почувствовал, как накрывающие меня шкуры отбросили в сторону.

– Нет веры предсказаниям, которые не приносят пользы. Благодари духов, что вождь прислушивается к... – На мою грудь высыпали что-то ледяное, и я вздрогнул. Говоривший резко замолчал. – Не может быть. Шор, кликни сюда парочку воинов покрепче!..

Застучали торопливые короткие шаги, ткань ударилась о ткань, на мгновение донеся до слуха завывания северных ветров и позволив мне вдохнуть щепотку свежего воздуха.

Я почувствовал, как онемение, прежде сковывающее руки и ноги, начало понемногу отступать.

– Что такое, Нериад? Неужто ощутил что-то?..

– Он должен быть лишён чувств ещё несколько дней. Даже если духи отпустили его. – Твёрдо, но не слишком уверенно произнёс старик.

Что-то металлическое и холодное сильно ударилось об моё колено, и я с трудом подавил инстинктивное желание дёрнуть ногой.

– Нам неведомо, какое оружие ныне куют в Ордене… – Тихий шелест тканей, шаги – я почти физически ощутил местонахождение старухи в комнате. – Этот юноша обезглавил общего врага и выжил там, где сгинули все прочие. И пусть он не обучен, пусть груб с духами, но сила его велика, а тело закалено.

– Если этого достаточно, чтобы избежать последствий от близости с Её духами, то я – бездарный шарлатан! – Возмутился старик, вцепившись пальцами в моё лицо. Секунда, и он поднял мне веко, заглянув в глаз. – Он не бодрствует, но и не спит. А, быть может, просто искусно притворяется…

Снова удар ткани о ткань, мельтешащие шаги и сдвоенные тяжёлые, уверенные, тихие. Воины. Теперь мне остаётся только притвориться ветошью, потому как в этом состоянии, когда тело бессильно, а собственная магия находится где-то далеко, пытаться прорваться боем смерти подобно.

А ведь даже в случае успеха я окажусь в лучшем случае посреди северных пустошей, без припасов, без одежды и в состоянии, когда впору искать место с красивым видом, способное послужить последним пристанищем.

И даже встречаться с хищниками не придётся – я сам издохну максимум спустя сутки.

– Шаман. – Грубый мужской голос отозвался ото входа в шатёр. – Вы звали.

Он не спрашивал. Он констатировал факт, ожидая объяснений.

– Нужно выставить караул рядом с имперцем. Воина покрепче да поосторожнее, способного поднять шум и обезвредить его, коли очнётся. – Снуя по шатру из стороны в сторону и что-то делая бросил старик.

– Этот имперец. Он опасен?

– Не опаснее любого тяжелораненого. Караульный должен лишь сообщить мне, когда он очнётся. И приглядеть за тем, чтобы имперец ничего не трогал и не вставал… Есть что добавить, Изида? – Последний вопрос был задан с откровенной неприязнью.

– Ничего. Я приготовлю травы, которые укрепят его сон. Надеюсь, это не оскорбит Её духов, Нериад?

Тот ответил не сразу:

– Не оскорбит. Курильницы возьми костяные. – Шаман зашёлся сухим, рвущим нутро кашлем. – С ними эффект будет лучше…

– И тебе настой я тоже приготовлю. Шор принесёт к вечеру…

– Иди к чёрту, Изида…

Хлопнула ткань, на миг загудели ветра снаружи, я вдохнул… и сознание в один миг меня покинуло, исчерпав последние силы.

Впервые за месяцы, проведённые в прошлом, я заснул настоящим сном.

Глава 4

– У меня только лекарства, ничего больше! – Тучный мужчина в богатых одеждах бился в руках двоих молодых стражников. Не для того, чтобы вырваться. Просто он не мог смиренно стоять, зная, что от семьи его отделяет лишь два кордона, один из которых он уже как-то преодолел. – Пропустите меня со всего лишь одним мешком! Забирайте остальное, можете даже не выпускать за стены потом!..

– Карел, сэр. – Десятник, наблюдающий за этой картиной из-под городских стен, обернулся к главе караула. – Разрешите его пропустить? По три раза проверили, кроме одежды, денег, трав и порошков при нём ничего. И не дурь это.

Сотник, он же глава караула, поморщился, с укоризной глянув на подчинённого. Постоял так несколько секунд, после чего медленно, словно нехотя, кивнул.

– Только быстро. И внимательнее, чтобы орденских рядом не было…

Десятник сорвался с места, быстрым шагом сблизившись с патрульными. Пара шепотков – и мужчину, пытающегося проникнуть в город, из которого не было выхода, перепоручили одному из младших отряда.

Ещё с минуту до солдат доносились искренние благодарности, а после у ворот вновь зашумели. Карел развернулся: он уже давно находился на этом посту, так что отголосков речи подчинённых ему хватило, чтобы опознать долгожданных гостей.

– Сэр! Там… – Вестовой не успел и рта открыть, как Карел поднял руку.

– Возвращайся обратно, я скоро буду. – Приказал мужчина, первым делом двинувшись в закуток, оборудованный под склад.

Там он споро сменил неуставную, тёплую, покрытую сажей и грязью накидку на менее практичную, но аккуратную «парадную», и избавился от мешочка, набитого курительной смесью.

Ещё раз окинул себя пристальным взглядом, и только после этого вышел к постовым, дав отмашку двоим караульным. От стен они решили отлипнуть только при виде начальства, но провинность эта, как считал Карел, была простительной.

Особенно если учитывать то, что все они тут сидели безвылазно уже три недели.

И отнюдь не отдыхали, хоть им и очень этого хотелось.

Уже спустя пару минут глава караула вышел за ворота, одним своим появлением успокоив подчинённых, которых соседство с людьми Ордена откровенно пугало.

– Господа капелланы… – Склонив голову, мужчина мазнул взглядом по обуви гостей. Четыре пары увесистых, «неправильных» сапог, принадлежащих капелланам, и два десятка пар попроще – принадлежащих орденцам. – Прошу простить за задержку.

– Ничего страшного. Заскучать мы не успели, сотник. – Мужчина в латах и со шлемом под мышкой приветственно кивнул. – Как обстановка в черте города? Что-то необычное или примечательное?..

Карел сглотнул, стараясь не смотреть на одного из четвёрки, который, в отличие от товарищей, пытался выдать себя за обычного орденца – неодарённого воина, находящегося у Ордена на службе.

Одежда, снаряжение, место в отряде – учтено было всё. Но не обувь, на которую Карел навострился смотреть в первую очередь ещё будучи юнцом.

– Обстановка, господин капеллан… – Он заговорил неуверенно. – … так себе. Уже много дней так себе. Народ боится и злится, поднимает оружие против стражи и армии. Нелюдь хитро подстрекает тех, кому приходится хуже всего, а отлов тварей почти не приносит пользы.

Восточные кварталы бедняков так и вовсе позавчера пришлось оцепить, силой согнав туда недовольных…

Карел, сам того не заметив, начал выкладывать всё как на духу.

Он любил Визегельд, свой родной город.

Любил вечерний шум на рыночных площадях, любил перестук кузнечных молотов, любил плывущий по улочкам рано поутру аромат свежеиспечённого хлеба.

Поэтому ему особенно больно было видеть, как всё начиналось и к чему привело теперь, по прошествии почти полутора месяцев с «первых ласточек» грядущей катастрофы.

Сначала – тревожная весть о том, что капелланы пустили под нож целую стаю каких-то нелюдей. Следом, спустя несколько дней – разбойники, давшие о себе знать в двух дневных переходах от города. Вырезали два каравана разом и, как потом выяснилось, специально «упустили» пару выживших.

Владетельный Лорд, едва прознав о случившемся, отправил за головами негодяев своих людей. Не стражу, а «гвардию», лучше снаряжённую и обученную. К каждому отряду даже капелланы из молодых присоединились, но помогло ли им это? Нет.

Сгинули все и так, что ни вестей, ни даже намёков об их судьбе узнать не удалось.

И на этом ничего не закончилось.

Недели не прошло, как в самом Визегельде вспыхнули пожары. Не один и не два, а десятки. И как ни бились огнеборцы, как ни потели сами горожане, тягая воду и сражаясь с пламенем, выгорело с полторы сотни зданий, включая продовольственные и не только склады.

Руины разгребали сутками напролёт, задействовав всех, кому по силам был столь тяжёлый труд. Во все стороны разослали закупочные команды – населению нужно было что-то есть, а львиная доля продуктов сгинула в огне.

Поджигателей, – а в том, что это был умышленный поджог не сомневался никто, – искали и находили. Среди горожан и мастеровых, среди стражи и торговцев, среди пришлых… замешаны оказались все слои общества. Особняком стояли лишь капелланы, и они же начали своё собственное расследование.

Спустя три дня по приказу Ордена все ворота Визегельда были закрыты, по следам недавно отбывших людей пустили конные отряды, возглавляемые капелланами, а к самому городу в срочном порядке стянули войска.

И только после начала первых, самых масштабных, кровавых и жестоких чисток народ прознал о том, что среди них обосновалась та самая погань, о которой они не так давно слышали: чуждые.

Мерзость давно и плотно обосновалась среди людей, пустив корни там, где, казалось, ничего нечеловеческого нет и быть не могло.

– … и самая большая беда, господин капеллан… – Карел понизил голос. – … что в «голове» неведомо что творится. Противоречивые приказы из комендатуры приходят чаще, чем сменяются посты. Мы-то ещё ладно, с ворот людей не дёргают, но те, кто в городе, больше из края в край носятся, чем что-то полезное делают. То им приказывают сгонять всех во внешние районы, под стены, то наоборот – гнать толпы в центр. А ведь это всё стычки, смерти… хаос, которым эти твари ублюдочные только рады воспользоваться. Как будто…

Он запнулся, впервые подняв глаза на капеллана в латах.

Тот был высок и широкоплеч, с угловатым лицом, прищуренными глазами и проницательным, цепким взглядом. Холодным таким, пробирающим до костей и разительно контрастирующим с общим добродушным выражением, застывшим на лице неподвижной восковой маской.

Были ли тому виной шрамы, выцветшей белёсой сеткой тянущиеся по лбу и вискам, или мужчина был таким сам по себе, но живой мимикой он похвастаться точно не мог.

– … как будто кто-то специально сеет хаос. – Всё-таки выдохнул Карел, застыв в ожидании… чего-то.

Гнева, насмешки, подтверждения своих предположений – сейчас, спустя недели в аду, он безропотно принял бы что угодно.

– У вас есть более конкретные предположения, сотник? – В разговор вступил второй капеллан, голос которого был тих, но вместе с тем отчётливо слышим. – Имена, должности, номера приказов, материальные свидетельства?

Мужчина качнул головой:

– Нет, господин капеллан. Нам тут не докладывают, кто принимает решение и что происходит в «голове» комендатуры. Да и подписи под приказами всегда разные. Но вы же для того и прибыли, чтобы всех проверить и наконец решить проблему, правда?..

Карелу докладывали о шевелениях в лагере военных, обосновавшихся вблизи города, и потому у него были все причины надеяться на лучшее. На то, что ожидание вот-вот подойдёт к концу. На то, что Орден наконец подготовил всё для финального удара по нелюдям в Визегельде.

– Именно так, сотник. Вызовите сюда всех офицеров, проверка будет начата с вас и ваших людей…

Карел, замешкавшись на пол-секунды, кивнул, тут же отдав соответствующий приказ всё ещё изображающему из себя столб вестовому.

Тот моментально исчез из виду, а спустя несколько минут наружу начали выходить офицеры. Как десятники, так и бывшие рядовые, которых за неимением лучшего пришлось наделять новыми полномочиями и обязанностями.

Десять человек, двадцать, тридцать, полсотни – толпа стремительно росла, потому что стражи на воротах было намного больше, чем обычно, в мирное время. И под началом сотника находилась не сотня, а почти половина тысячи бойцов со всеми вытекающими.

Наскоро собранная, не сработавшаяся, едва друг с другом знакомая орда юношей и мужчин при оружии, с семьями, запертыми в черте умирающего города – вот, кто нёс тут службу уже больше месяца.

– Ваши люди неважно выглядят. – Подметил капеллан-латник, сложив руки за спиной и наблюдая за тем, как его товарищи проверяют одного человека за другим.

Самих капелланов как-то резко тоже стало много больше прежнего. И произошло это точно после того, как проверили самого сотника, а уже он подтвердил, что все офицеры гарнизона «его» участка ворот явились на осмотр.

– Обстоятельства, господин капеллан. – Тихо выдохнул Карел. – Месяц дежурств, постоянные стычки, недостаток провианта и свободного времени. У всех там, за стенами, семьи, которые мы даже проведать не можем. Остаётся только весточки слать. Но хоть наших родных в центр перевезли, и то – хлеб.

– Ничего, сотник. Скоро это закончится. – Карел вздрогнул, когда на его плечо опустилась ладонь в латной рукавице. – Вы славно потрудились, сдержав заразу. Орден закончил чистки в предместьях города, так что остался только сам Визегельд. Наши братья и сёстры сейчас проверяют другие ворота, и как только всё будет готово – мы выдавим эту погань отсюда раз и навсегда.

– Это то, чего здесь ждал каждый, господин капеллан. – Честно признался мужчина. – Наши мечи в вашем распоряжении.

Капеллан усмехнулся:

– Знаю. Но вам отводится иная роль, сотник. Удержание периметра и пресечение любых попыток кого бы то ни было сбежать вовне. Женщины, дети, знать, да даже капелланы – никто не должен покинуть Визегельд без нашего разрешения и раньше, чем будет объявлено о гибели последнего выкидыша чуждых. – Капеллан замолчал на секунду, а после встрепенулся, словно

опомнившись. – Официальные приказы будут выданы незадолго до начала операции и после того, как проверят всех ваших людей. Убедитесь, что тут присутствует каждый. Каждый, сотник, без исключений. Даже если кто-то у вас ушёл в самоволку, напился дрянного самогона или вообще пропал – вы обязаны об этом сообщить. Донесите эту мысль до своих офицеров.

Карел коротко кивнул, глядя за тем, как к капелланам присоединились маги, начавшие прямо посреди дороги устанавливать некую конструкцию, напоминающую арку.

Они соединяли её части, сцепляя их винтами и сплавляя магией в единое целое, но, как показалось мужчине, поддающееся разборке в случае нужды.

– Клянусь честью, господин капеллан, вам будет сообщено о каждом отсутствующем. Я лично проверю все отряды по спискам! – Мужчина мигом подобрался.

Ощущение того, что всё вот-вот закончится, сменилось чем-то иным. Чем-то, собравшим воедино оставшиеся силы, потребовавшиеся для последнего рывка.

– Мы рассчитываем на вас, сотник. – Капеллан одобрительно кивнул, и Карел двинулся обратно, к воротам.

Туда, где на стены уже поднимались отряды военных во главе с орденцами, контролирующими, чтобы наружу вышел весь рядовой состав гарнизона.

Препятствий им никто не чинил, потому как всех старших стражи предусмотрительно вызвали на проверку первыми. Процедура была отточена до совершенства на целях поменьше, так что здесь и сейчас всё проходило без сучка, без задоринки.

Маги смонтировали и запустили арку. Карел сверился со списками и своей памятью.

А капелланы и солдаты, образовав живой коридор, начали проверку, всех выявленных заражённых отводя в сторону.

Никто не сопротивлялся, потому что все недавно заражённые пока не принадлежали врагу ни душой, ни разумом, ни телом. Они искренне считали себя «чистыми», а на их судьбу указывали только неприметные, почти невидимые шрамы под одеждой, да реакция арки, безукоризненно выявляющая образования, сокрытые под кожей, мышцами и плотью.

– Господин капеллан, что с ними будет? С заражёнными? – Вернувшийся сотник был хмур, и стал ещё хмурее, заметив, как в сторону отводят недоумённо вращающего головой и пытающегося оправдаться молодого вестового.

Капеллан мигом вынырнул из своих мыслей и резко обернулся, открыл рот.

Закрыл его, втянув носом прохладный воздух:

– Начавшееся заражение невозможно прервать. Они будут умерщвлены. Их тела – преданы огню, а души – отправлены к Трону. – Голос вершителя людских судеб звучал размеренно и спокойно, хоть и с отголоском глубоко скрываемых эмоций.

Карел хотел возразить или сказать хоть что-то, но своевременно опомнился.

Любые слова будут бесполезны там, где Орден уже вынес свой вердикт.

Чужеродная напасть послужила причиной смерти сотен и тысяч ни в чём не повинных гражданских, а простой люд успел осознать то, что без Ордена все они обречены.

И пусть методы капелланов со стороны могли показаться жестокими и беспощадными, но они были действенными: пару дней как стало известно о том, что регион практически очищен, и самые крупные очаги заражения сохранились лишь в крупных городах.

Городах, до которых, наконец, добрались основные силы северных рубежей человечества.

– Я понимаю, господин капеллан. Но разве не должны они сопротивляться, раз уж нелюдь их заразила?.. – В мужчине говорило не любопытство, а отчаяние. Потому что глядя на тех, кого уводили прочь, он невольно проецировал это на своих родных, оставшихся за стенами Визегельда.

Да, их всех перевезли в центр города, охраняющийся не хуже иного замка. Но ведь охраняла их всё та же стража, в рядах которых сотник видел сейчас множество заражённых.

А если зараза коснулась тех, кто никуда не выходил без оружия и поодиночке, то насколько широко она могла распространиться среди беззащитных гражданских?..

– Сотник… – Капеллан тяжело вздохнул, обернувшись. – Порой поверхностное знание опаснее незнания, поэтому я просто не успею рассказать вам всего.

– Если держать людей в неведении, то нелюдей от этого меньше не станет… – Мужчина сглотнул вставший в горле ком. – … господин капеллан. Мы даже не знаем толком, с чем боремся и чего ожидать от этих тварей. Может, будь иначе, и мы бы давно справились с ними?

– Отнюдь. – Вопреки ожиданиям Карела, капеллан не продемонстрировал ни намёка на гнев. – Представьте себе крестьянина, который на словах объяснит знатному господину, как правильно выращивать пшеницу, как бороться с вредителями, как ухаживать за почвой, как пахать… много ли из того усвоит знатный господин, даже будь у него такое желание?

– Не думаю…

– Верно. Потому что на деле это сложная наука, кажущаяся чем-то простым. Такому не научишься за полчаса. Так и с чуждыми… но проблема куда шире. – Капеллан поймал взгляд сотника. – Если я расскажу вам всё, что знаю, то, возможно, здесь и сейчас вы и ваши люди действительно станете действовать эффективнее. Но после кризиса эти знания, «от самого капеллана», расползутся по Империи, непредсказуемо изменяясь. Получившуюся страшилку начнуть использовать люди, и мы получим очередную «охоту на ведьм», которая уже не раз лишала Империю травниц и знахарок, учёных людей и просто красивых от природы. Потому что повесить на человека ярлык легко и просто. А страх сделает остальное.

Капеллан поднял руку, похлопав Карела по плечу.

– Оставьте борьбу с нелюдью нам, сотник. А сами выполняйте свою работу достойно, и кризис будет преодолён. Потому что такова воля Трона.

– Такова воля Трона. Благодарю за объяснения, господин капеллан…

– Возвращайтесь к своим офицерам. Приказ вот-вот будет озвучен, и вы будете нужны там. – Капеллан вполне конкретно указал пальцем, где именно находится это «там». – Заодно подбодрите своих людей. Мы многого ждём от вас, сотник.

Мужчина ударил себя кулаком в грудь…

– Будет исполнено, господин капеллан!

… и вскоре присоединился к гарнизону, которому предстояло вернуться на свои посты, высвободив оттуда временно их подменивших солдат Имперской армии.

Вот-вот должна была начаться долгожданная чистка, одна из самых крупных и важных.

Не первая, но должная стать последней…

Глава 5

Во второй раз я очнулся посреди ночи, чувствуя себя лишь немногим лучше прежнего.

Все силы ушли на то, чтобы понять: выход за пределы тела и магии сказался на моём теле ровно так, как должен был. Старые раны усугубились, добавились новые… но что бы ни делали со мной варвары на протяжении многих дней, это помогало.

Даже после боя с Буром и зачистки заражённых в крепости я чувствовал себя хуже. Исключение составляла разве что магия, которая сейчас отзываться не спешила.

Но я не паниковал: привык, проведя месяцы в мире воспоминаний и иллюзий.

В третий раз мне «повезло» проснуться ранним утром, ровно в тот момент, когда старый шаман напевал гортанный, ритмичный речитатив, восхваляющий духов и Смерть как аспект магии. Одновременно с этим он снимал повязки, наносил на моё тело дурно пахнущие мази и менял травы в, как я выяснил немногим позже, черепах, звериных и людских.

Их вокруг лежанки было немало, и мои мысли на этот счёт не внушали особых надежд.

Правда, выводы делать я, опять же, не торопился. Уповал на то, что это не часть магической практики, а варварская традиция.

После был и четвёртый раз, и пятый, и десятый. Краткие мгновения в реальности растягивались в минуты, потом – в часы.

Онемение, сковывающее конечности, постепенно рассасывалось, а сознание обретало всё большую ясность. Шаман всё реже лично заглядывал в шатёр, присылая вместо себя Шора, своего помощника. Ничего связанного с магией тому не поручали, так что вместе с подростком «на огонёк» заглядывала и его бабка, знакомая мне заочно.

Изида. Звучное, редкое имя, которое никак не ожидаешь встретить в северных племенах некогда отколовшихся от Империи людей. Говорящие-с-духами обычно предпочитали нечто более простое, потому как имена новорождённым давали как раз-таки духи.

По крайней мере, так об этом говорилось в книгах, ведь возможности узнать об этом из первых уст у меня не было по вполне понятной причине.

Варвары не любили имперцев, и мы отвечали им полной взаимностью.

Не из вредности или чувства собственного превосходства. Просто говорящие-с-духами слишком часто провоцировали проблемы, решение которых обходилось Империи большой кровью. Риск и опасность были намертво вшиты в концепцию их магических практик, а сами шаманы не контролировали своё колдовство от и до.

Считали, будто духам и магии нужно оставлять некоторую степень свободы… и за счёт этого регулярно радовали тварей из-за Кромки, позволяя им воплощаться в материальном мире в теле очередного совершившего фатальную ошибку шамана.

Такие «воплощённые» чудовища долго не существовали, и чаще всего не успевали даже просто добраться до границ Империи. Вот только сами варвары нет-нет, да пытались вернуться туда, откуда когда-то выдворили их предков.

И преуспевали в этом, превращаясь в своего рода тлеющую искру, готовую вспыхнуть пожаром в самый неподходящий момент…

– Он ведь должен был давно уже очнуться, разве нет? Раз духи отпустили его разум? – Вопрос, заданный Шором, заставил меня внутренне напрячься.

Старуха в ответ причмокнула губами, не переставая перебирать кости, служащие основой для моей лежанки. Она как раз вытащила очередную кость, и теперь, судя по звукам, – а я за это время наловчился на слух воспринимать если не всё, то многое, – внимательно ту осматривала.

– Не всё так просто, мальчик мой. Быть может, духи и отпустили разум этого юноши, но готово ли его тело воспрянуть ото сна? – Гулко ударилась об пол кость, показавшаяся Изиде

негодной. Прокашлявшись, она потянулась за следующей. – Никто кроме тебя не ждал того, что он вот-вот встанет на ноги и умчит по своим делам, Шор. С такими ранами, да разочаровав духов, в одиночку он не выживет…

– Но старого Нериада ты убеждала в обратном, бабушка. Что имперец опасен, что за ним нужен присмотр…

По уху прошёлся скрипучий старческий смех:

– Ты слишком юн, и потому не уловил посыла, мальчик мой. Я предупреждала не об угрозе, а о том, что юноша этот… – Меня легонько ударили косточкой по лбу. – … может навредить себе и нам, едва открыв глаза. Много ли надо сил, чтобы расколоть черепа, собираемые десятилетиями? Или свести на нет наши усилия в тщетной попытке зачерпнуть магию прежде, чем восстановится нутро, тут же и погибнув? Нет. Мы не желаем ему зла, что есть чистая правда. Но убедить в том того, кто видить в нас врагов…

Старуха с кряхтением встала, обеими ладонями собрав в кучку все «бракованные» кости. Их запасы под моей лежанкой уменьшались, но легче от этого не становилось.

– Он сгинет, если уйдёт отсюда раньше второго полнолуния. Сорок четыре дня, мальчик мой. Коли ему хватит терпения и мудрости не торопиться – он многое приобретёт. Ну а если нет… – Поверх моего тела опустилось тяжёлое меховое одеяло. – … значит, таков будет его рок.

Подросток застучал разными баночками и плошками, складывая опустевшие сосуды в мешок. А я крепко задумался… не столько над её словами, сколько над тем, что и как она объясняла вроде бы этому Шору, а вроде бы и мне самому.

Как будто Изида знала, что я всё слышу. И пыталась вот так, «случайно», донести до меня «требования» выходившего меня варварского племени.

Первую часть этих требований, по крайней мере.

Спустя несколько минут шатёр опустел, и даже воин-караульный, постояв ещё немного, вышел на свежий воздух. Шатёр накрыла тишина, нарушаемая лишь приглушённым воем северного ветра снаружи, да шелестом пламени.

Здраво оценив свои силы, я открыл глаза и впервые увидел что-то кроме расплывающегося месива.

Кренящийся к центру шатра потолок из шкур, натянутых поверх грубого деревянного каркаса, прежде всего напоминал некую детскую поделку. Шили грубо, жилами, а не нитью. Местами шкуры отличались по цвету, размеру и густоте меха.

С самих балок свисали пучки засушенных трав и накрепко завязанные мешочки. Кое-где виднелись примитивные, но оттого не менее действенные обереги, в которых угадывалось что-то общее с привычными мне талисманами – незаменимым инструментом, который мог изготовить на коленке каждый капеллан.

Разглядывал я их недолго: на периферии зрения плясало что-то белёсо-серое, словно бы отчаянно требующее моего внимания. Я, проморгавшись, повернул голову…

И застыл, сглотнув вставший в горле ком.

Укрытые саваном извивающихся теней, на меня смотрели черепа. Десятки черепов, людских и звериных – волчьих, медвежьих и совершенно незнакомых.

Из глазниц и трещин самых примечательных экземпляров сочилась сизая дымка, прямо в воздухе сплетающаяся в необычные, что-то мне напоминающие узоры. Вопреки законам мироздания этот дым не уплывал под потолок, а как по команде опускался вниз, разбиваясь об укрывающее меня одеяло.

И там, где он меня касался, расцветало странное тепло, которое я прежде принимал за «работу» очага, свечей или согревающих мазей.

Пресловутые свечи, широкие, короткие и толстые, обнаружились тут же, утопленные в выемках между шкур. Их пламя было слабым, коптящим, почти красным, а не желтовато-оранжевым. Света они давали мало настолько, что налицо было их ритуальное предназначение.

Дыхание спёрло, когда в отблесках пламени показалось, будто людские черепа захохотали, а звериные – оскалились. Кончики пальцев начало покалывать, и на краткий миг я почувствовал свою магию – могучую, но едва живую, словно только-только угодившая в каплю свежей смолы мошка.

«Нельзя. Сейчас – только осмотреться… этого будет достаточно, Даррик Саэль» – увещевал я сам себя, приподняв голову и переведя взгляд с пугающих деталей интерьера на собственное тело.

Из-под края плотного мехового одеяла выглядывала моя рука. Не смертельно бледная, но выглядящая преотвратно из-за тянущихся по коже тёмных, уже высохших и ещё блестящих влагой линий, образующих весьма точную проекцию внутренней структуры энергетического тела.

Кое-где линии эти намеренно прерывались, и, сосредоточившись, я без труда почувствовал, что именно там расположены «запорные точки», лишающие меня возможности прикоснуться к собственной магии.

Её давно и надёжно перекрыли, дав «застояться» и «онеметь».

И если верить что старухе, что собственной логике – сделано это было не без причины. Я ведь и правда должен был сгореть после того боя, развалившись на части от перенапряжения. Слишком много тяжёлых нагрузок разом: Бур, зачистка крепости, ритуал, столкновение с координатором роя, бой с Сиваром – и везде я черпал магию так, словно у меня пять жизней в запасе…

Подавив стойкое желание прочистить горло, я аккуратно вернул голову в прежнее положение, закрыв глаза. Втянул носом пропитанный ароматами трав и горчинкой дыма воздух и аккуратно, готовясь к боли, начал поочерёдно шевелить конечностями уже куда основательнее.

Приподнял руки, ноги. Проверил суставы. Левой рукой, сокрытой ото входа в шатёр моим собственным телом, сложил несколько привычных жестов-триггеров. Тяжесть и нерасторопность ощущались, но не настолько сильно, насколько я ждал.

Варвары, кем бы они ни выглядели в глазах Ордена, многое знали о врачевании, раз уж я дожил до этого момента и пришёл в себя не обречённым на угасание инвалидом.

«Но их методы… чреваты проблемами в будущем» – промелькнула мысль одновременно с волной тепла, прокатившейся по рёбрам и ушедшей глубже, ко внутренним органам.

Черепа и кости, моя реакция на них, разговоры шамана и Изиды – всё указывало на то, что лечение шло и идёт не без помощи аспекта Смерти.

И даже если обособиться от того, что магическая доктрина Империи строго запрещает разделение Потока на составляющие, то Смерть – очень и очень специфический аспект. Специфический и опасный, а потому упоминающийся исключительно вскользь и только там, куда по каким-то причинам не добралось бдительное око архивариусов.

Иными словами, я имел грубое представление об основных стихийных аспектах, но вот о фундаментальных не знал практически ничего. При этом один из фундаменталов, вероятно, прочно осел в моём теле, и неведомо когда из него выветрится.

«И Орденские хранилища знаний мне не помощники – за такой интерес меня прикончат раньше, чем я успею что-то объяснить. И будут правы. Не говоря уже о том, что первая же проверка найдёт во мне характерные следы. Паршиво-то как…».

Любая магия имела пренеприятное свойство – накапливаться в объекте, на который она воздействует. К примеру, Вейра, исцеляя меня, за считанные дни «наследила» своей силой так, что я пользоваться магией мог только через боль и с большим трудом.

Будет ли эффект от шаманизма и ритуалистики варваров сравнимым в плане побочных эффектов?

При прочих равных – нет, да только я тут пролежал не неделю и не две, а намного больше. От месяца до трёх или даже четырёх в том случае, если течение времени в мире воспоминаний и иллюзий было замедленным, и я всё-таки «спал» вопреки видимой непрерывности восприятия.

Следовательно, Смерть, если её воздействие было значительным, плотно закрепилась в моём теле, и «застой» магии этому только поспособствовал.

«Вот только нормального человека, стоит признать, серьёзная обработка этим аспектом просто убила бы, а его накопление в теле привело бы к гниению и разложению. И… проклятье, как спать-то хочется. Определённо, магию лучше вообще не трогать, если я хочу бодрствовать хотя бы несколько часов в день» – под конец напряжённого мыслительного процесса я уже откровенно плыл, но всё равно успел расположиться на лежанке так, как было до моего пробуждения.

А стоило мне только расслабиться, как на сознание опустилась пелена блаженного забытья…

***

– Нет. – Ответ Лаэны Висс был резок и категоричен. – Ты остаёшься в ставке, Вейра. И это не обсуждается!

– Я – полноправный армейский маг, капеллан Висс. Боевой маг. Меня принял на службу воевода лично, и у вас нет причин чинить мне препятствия. Вам ведь всё равно нужны добровольцы, так почему бы не взять того, кто уже хорошо зарекомендовал себя?..

– Ты… – Висс начала резко, но замолчала на полуслове. Выдохнула устало. – Ты не боевой маг, Вейра Куорн. Несколько освоенных приёмов ещё не дают права так называться, даже если подавляющее большинство твоих коллег и на это не способно…

– И всё же, я куда лучше подхожу на эту роль по сравнению с большинством, вы сами сказали. – Вейра отозвалась тут же, явно не собираясь отступать так просто.

– Капеллан… – В разговор осторожно вступила Айдра. – Куорн действительно хороша в бою. И она не тонет в ярости, как некоторые. Я… Я бы доверила ей свою спину.

Висс поджала губы, а тени на её бледном лице, казалось, резко уплотнились. В полумраке было сложно разобрать детали, но отчего-то и актуариусам, и магессе казалось, будто всегда стойкая, непоколебимая и решительная, их капеллан сомневалась.

Сомневалась – и разрывалась между долгом и малодушным желанием оставить вчерашнюю несмышлёную девчонку где-то поглубже в тылу.

– Я наслышана о её подвигах. – Женщина сфокусировала взгляд на Айдре. – Однако рейд на территорию врага – это не бойня на поле боя, где ярость, гнев и стремление отомстить могут сослужить хорошую службу. Ярость ослепляет, гнев – лишает разума, а месть подталкивает к ошибочным решениям. И это критично, когда одна ошибка может привести к гибели всего отряда… в лучшем случае.

– Я могу быть хладнокровной, когда необходимо…

– Не можешь. – Висс прикусила губу, а на её лице отразилось что-то вроде сожаления. Мимолётом и так, что легко было списать всё на игру теней. – Будь моя воля, и я бы отправила тебя в тыл по меньшей мере на несколько месяцев. Там тоже в достатке работы, но куда меньше способов бесславно погибнуть, обесценив его жертву.

Установилась мёртвая, гнетущая тишина. Айдра застыла, Харр отвёл взгляд, сипло прокашлявшись, а Нолан с Яльцегом тактично сделали вид, что их здесь нет.

Вейра же, выйдя из ступора, шумно втянула носом воздух. Её губы дрожали, а в золотистых глазах одна за другой загорались искры, не сулящие ничего хорошего тому, на кого был устремлён взгляд магессы.

– Он отправился туда, чтобы остановить чуждых, дать Империи шанс…

– Я в курсе официальной версии, девочка. – Обрубила Висс, не дав Вейре закончить. – И я читала твой доклад, полный белых пятен и фантазий. Считаешь, что тебе под силу было обмануть тех, кто сражается, оступается и теряет десятилетиями?

У выхода из палатки совета зашумели: наружу потянулись офицеры и маги, которых, проинструктировав, уже отпустили. Но Висс не замолчала, лишь сорвала с пояса талисман, сформировавший вокруг их небольшой группы прозрачный, искажающий звуки барьер.

– Нет, Куорн. Все те, кому на стол попали твои записки, умеют читать между строк. И только слепой не понимает, по какой причине ты ещё здесь, и продолжаешь при каждом удобном случае пополнять личный «список» убитых тварей. – Женщина шагнула вперёд, подняла руку и на удивление мягко опустила ладонь на хрупкое плечо магессы. – То, что ты делаешь – не честь его памяти, Вейра Куорн. И уж тем более не то, чего он бы хотел. Послушай моего совета, возьми под своё начало молодняк Башен. Научишь их хотя бы половине того, что знаешь сама – и это уже будет полезнее, чем твоя смерть в пустошах.

– Даррик всегда выступал за то, чтобы делать по чуть-чуть, но как можно дольше. – Харр криво усмехнулся, демонстративно постучав пальцем по виску. – Дожить до седин и спасти тысячи человек. Это буквально было первым, что он пытался вбить нам в головы. Я вспоминал эти слова уже не раз, и только поэтому всё ещё топчу землю.

Вейра не ответила. Дрожь в её губах прекратилась, а взгляд потух, став плоским и безжизненным. Слова Харра оказались последней каплей, убедившей девушку в том, что здесь и сейчас все они правы, и Даррик…

«Даррик был бы с ними согласен».

Рука магессы непроизвольно легла на переплёт гримуара у пояса. И в этот миг ей показалось, что ровно под пальцами остывшая на холоде книга стала… холодной. И этот холод был не холодом металла, а чем-то совершенно иным, бесследно исчезнувшим, стоило только Вейре сосредоточиться на этой странности.

– Хорошо. Я вас услышала. – Коротко кивнув Айдре, Вейра развернулась, в два шага выйдя за пределы барьера.

Айдра и Харр обменялись тяжёлыми, понимающими взглядами. Они сделали, что могли, пусть и чувствовали себя теперь виноватыми. Не поддержать в полной мере порыв подруги пойти с ними в бой в глазах актуариусов было сродни предательству.

Пусть магесса и не была обучена так же, как они, и боевым магом в полной мере не являлась, но она имела право распоряжаться своей судьбой.

– Присмотрите за ней, по возможности. – Тихо, но чётко сказала Висс, обратившись к Харру и Айдре. – Не сейчас. Потом, когда мы вернёмся.

Ответом ей стали хмурые кивки, а после вся пятёрка капелланов двинулась дальше – в расположение орденцев, которые и должны были стать костяком будущих мобильных рейдерских отрядов…

Глава 6

У входа в палатку донёсся тихий хлопок ткани, который, впрочем, ничуть не потревожил девушку, листающую страницы не единожды уже изученного от и до гримуара.

– Чего не спишь? – И только услышав голос почти над самым ухом, Вейра вздрогнула и обернулась. Перед ней, покрытая снежной взвесью с головы до ног, стояла та, кого она никак не ожидала сейчас увидеть. – Смотришь, словно нелюдь какую увидела…

– Просто не ожидала, что ты придёшь сюда, Айдра. Вы же обычно отдельно ночуете, со своими. А я тут уже несколько дней как одна. – Тихо ответила магесса, захлопнув гримуар, сунув его в сумку и вернувшись к подготовке постели. – Висс послала?

– Просила за тобой присмотреть. – Айдра скинула утеплённый плащ и прошла вглубь палатки. Уже там она, замешкавшись на несколько секунд, неловко опустилась на соседнюю, пустующую уже несколько дней лежанку, в оголовье которой до сих пор стоял никому не нужный мешок с вещами прежней постоялицы. – Но не сейчас. Потом. А пришла я по своей воле.

Вейра снова обернулась, посмотрев на «варваршу».

Они не поладили с самой первой встречи, и виновата в этом была магесса с настолько же прекрасной внешностью, насколько и скверным характером.

Вейра. Та старая Вейра, с которой Вейра-нынешняя попросту отказывалась себя ассоциировать, сходу разглядела в Айдре свою полную противоположность, и не придумала ничего лучше, чем с ехидцей пройтись по её больным точкам.

Внешность, «мужская» стать, низкий голос, ничтожные магические способности – хватило нескольких дней, чтобы их нелюбовь друг к другу стала взаимной. С той поры Айдра не упускала возможности бросить колкость-другую в сторону «магички», а Вейра, которой само противостояние уже наскучило, отвечала взаимностью, стараясь уколоть «дуболомку» побольнее.

В какой конкретно момент их отношения наладились – неясно.

Стала ли триггером гибель Даррика, который для них обеих стал больше, чем просто соучеником и наставником, или «вина» легла на стремительно наступившее взросление, обильно сдобренное кровью и потерями, но как кошка с собакой они больше не цапались.

И даже более того – с подачи Айдры нередко болтали и помогали друг другу, отдавая должное знакомству, которое, казалось, произошло бесконечно давно.

– Устраивайся, если не шутишь. Чай будешь?

Айдра, только-только стянувшая со спины сумку со всем своим нехитрым бытовым скарбом, подняла голову. Поморщилась в своей неизменной манере:

– Наружу идти неохота. Снова метель, к утру даже из палаток выбраться будет сложно…

– Я маг. – Вейра пожала плечами, сложив одеяло вчетверо и усевшись на него сверху. Следом она достала пару кружек, ловко сполоснув их появившейся меж её пальцев водой, вобравшей в себя пыль и тут же исчезнувшей. – Так что, будешь?

– Буду. Интересно даже, чем ты меня удивишь…

Пока Айдра разбирала вещи, застилала лежанку и избавлялась от снежных хлопьев, пробравшихся даже под плащ, магесса занялась «готовкой».

Она водрузила посреди палатки большой плоский камень, расположила на нём явно самодельный одноразовый талисман и, побряцав посудой, поставила сверху видавший виды и переживший не одного владельца чайник.

Наполнить его водой для девушки было вопросом нескольких секунд, а через пять минут с момента активации талисмана эта самая вода уже задорно булькала в нутре посудины.

Тонкая струйка пара из погнутого носика тянулась к выходу из палатки, захватываемая вездесущим сквозняком, от которого нигде не было спасения. Айдра, кутаясь в одежду, всё ещё копалась в своих пожитках, а Вейра задумчиво смотрела на чайник, готовясь заложить в него сухие травы, которые заменяли им всем чай.

И ровно тогда, когда она приподняла крышку чайника, высыпав туда содержимое ароматно пахнущего мешочка, снаружи раздалось покашливание:

– Кхм-кхм! Госпожа Вейра Куорн? Посыльный, из ставки командования, с распоряжением!

– Минуту! – Вейра мигом подобралась, кивнув всполошившейся Айдре, накинула на плечи плащ, пробормотала под нос защищающее от непогоды заклинание и вышла наружу, выпустив из палатки только начавший нагреваться воздух.

Даже несмотря на усталость, пальцы её левой руки были предусмотрительно сложены кольцом, а взгляд первым делом скользнул по окрестностям.

– Докладывайте, я вся внимание.

– Распоряжение из ставки, ваше магичество! – Молодой солдат, кутающийся в плащ и неловко поправляющий съезжающую на глаза задубевшую шапку, вынул из поясной сумки простенький деревянный тубус, с обеих сторон запечатанный сургучом. – Ответа ждать не велели! Но, ваше магичество…

Солдат обернулся, удостоверившись, что рядом с ними никого больше не было.

– Говорят, капеллан Лаэна Висс имела с воеводой разговор, стало быть. А после и распоряжение это подоспело, для вас и ещё некоторых магов, тех, что помоложе. Но я вам этого не говорил! – Солдат натянуто, – из-за холода, – улыбнулся. Сунул руку в напоясную сумку, в которой, помимо тубусов, находились и его личные вещи. – И примите, госпожа, благодарность от второго полка, пехотного-то. Это малость, но чем богаты…

Вейра не успела даже возразить, как ей в руки уже впихнули тканевый кулёк, набитый чем-то непонятным…

– Доброго вечера, ваше магичество!..

… а после солдат растворился в метели быстрее, чем девушка успела что-то ответить. А так как стоять под снегом и разбушевавшимся к ночи ветром магессе было не слишком приятно, то в палатку она забралась уже спустя несколько секунд.

– Ну, что там? – Спросила Айдра нетерпеливо, поплотнее захлопнув полы палатки.

Взгляд её метался от тубуса к мешочку, словно капеллан сама не была уверена в том, что её интересует больше – распоряжение для подруги, или некий презент, переданный непонятно кем и неясно, с какими целями.

– Распоряжение. И… благодарность, видимо. – Вейра заглянула в мешочек, принюхалась. Слабо улыбнулась. – Высушенные фрукты в сахаре.

Высыпав горсть на ладонь, она протянула сладости Айдре. Та отказываться не стала, с благодарностью кивнув: здесь, на передовой, что-то сверх стандартного рациона было той ещё редкостью.

Брать и покупать было не у кого – чуждые сожрали каждую деревню вдоль всей границы, а смельчаки-торговцы пока прибывали слишком редко и привозили слишком мало, чтобы эффект смог почувствовать каждый из бойцов.

Тем более, что пресловутых торговцев активно отлавливали люди Ордена: вся северная граница ныне стала запретной зоной, по которой нельзя было передвигаться свободно, и уж тем более возить товары, рассчитывая нажиться на солдатах.

– Щедро. И от кого подарок?

– Второй пехотный полк, кажется. – Вейра мотнула головой, вновь избавившись от плаща и усевшись перед кипящим чайником. Ловкими, отработанными за эти недели движениями она разлила чай по кружкам. – Удалось помочь им в прошлом бою.

– Когда была лютая метель, и какие-то идиоты вывели две сотни на лёд, в который твари закопались? А им потом тропу морозили? – Вейра кивнула. – О-о-о… Не удивлена. Слышала, они своей спасительнице статую в полный рост из золота отлить были готовы. А это, оказывается, ты…

– Что было – то прошло. – Вейра улыбнулась, сделав глоток из своей кружки. Только после этого она надломила сургуч на тубусе, свернула резьбу и достала совсем небольшой, свёрнутый в трубочку пергамент.

«Магессе Вейре Куорн».

«(поле для указания прочих сведений – прочерк)»

«В связи с оперативной необходимостью вам надлежит присоединиться к особой оперативной группе магической поддержки под началом капеллана-орденариуса Аарона Хола, дабы не позднее, чем через две декады прибыть в Визегельд для оказания содействия в очищении города и его предместий.

Подробности – у лидера отряда. Сведения о ротации хранить в тайне».

«Перион Лоу, Третий Воевода Севера. Дата, подпись».

– Визегельд… – Вейра поджала губы, наклонившись к исходящей паром кружке.

Айдра не видела её лица, но что-то ей подсказывало, что относительно хорошее настроение магессы только что её покинуло.

– Я слышала слухи от братьев и сестёр. Там идёт зачистка, и идёт она не очень хорошо. – Айдра отхлебнула из кружки, машинально отправив в рот кусочек сухофрукта. – Орден нагрянул туда уже в третий раз, но вновь застопорился. Нелюдь плотно осела среди тысяч невинных…

– Тот солдат сказал мне, что в Визегельд отправляют всех тех магов, которые «помоложе». И всё это с подачи Висс. – Голос Вейры звучал слабо и холодно. Так, словно у неё уже не было сил сопротивляться такой несправедливости, а бал начало править смирение.

А именно та его разновидность, которая никогда не приводила ни к чему хорошему.

– Кто б ещё посыльного в штабную палатку пустил! – Преувеличенно бодро отозвалась Айдра. – Ты же не думаешь, что она решила из вредности отослать прочь тебя и ещё невесть сколько магов, которые нужны здесь? Нет, подруга, капеллан Висс не такая. Она может проявить заботу, но не в ущерб делу…

– У нас тут несколько десятков гражданских магов, которым первый же охотник чуждых отгрызёт голову, стоит им только покинуть лагерь. – Вейра подняла голову, вперив в Айдру взгляд, вобравший в себя целый калейдоскоп отрицательных эмоций, от гнева до отчаяния и ненависти. – Но в тыл отправляют меня, а не этих… белоручек!

Айдра застыла на пару секунд, а после громко, во весь голос рассмеялась, не переставая хлопать ладонью по колену:

– Ох, подруга… Рассмешила так рассмешила! Белоручки-то они может и белоручки, и от чуждых защититься не способны, но вклад опытных магов ведь не про бой на передовой. И вот вне поля боя они-то как раз и полезнее нас с тобой будут, что каждый по отдельности, что все вместе. Не будь их, и нас бы уже давно еретики-предатели смяли бы, как пить дать! – Рубанув рукой воздух, капеллан приложилась к кружке, в три мощных глотка её осушив и потянувшись к чайнику.

– Это не предатели… в том смысле, который в это слово вкладывают. Их подчинили, как капеллана Бура и многих других… – Начала было Вейра, быстро опомнившись. – И речь вообще не об этом, Айдра!..

– А толку-то языком трепать, подруга? – Айдра вставила своё слово, не дав магессе продолжить. Наклонившись, наполнила обе кружки. – Ты сама, помнится, попросилась в ряды

армейских магов. Не знаю, отговаривали тебя или нет, но наверняка же говорили, что армия – это не ваши Башни, из которых свалил да и иди, куда хочешь, приказывать никто не будет. Тут – дисциплина, Вейра. Ежели начальство решит, что от меня будет больше пользы на рытье нужников – ничего не поделать, буду рыть. Молча и со всем рвением…

– Это… глупо. – Не найдя, что ещё сказать бросила Вейра.

– Но эффективно. Может, частные случаи вроде твоего и выглядят как дурость, но в целом отправить молодняк туда, где у них меньше шансов помереть ни за что – вполне себе разумно. Нас тоже, между прочим, грозились отослать в тыл, да только свободных орденариусов нам на замену в регионе, уж прости, хрен да нихрена осталось…

Магесса шумно выдохнула, открыла рот. Закрыла. Помолчала ещё пару секунд, снова выдохнула и, успокоившись, заговорила:

– Ты права. Но, знаешь, мне от этого не легче. – Взяв кружку, магесса сделала один маленький глоток. – Я хотела просто убивать чуждых, Айдра. Хотела закончить то, что он начал… а теперь меня отправляют туда, где этих тварей скоро вообще не останется. И потом наверняка прикажут заниматься арками или ещё чем-то подобным…

Айдра вздохнула, закинув в рот ещё один сухофрукт:

– Быстро война не закончится, подруга. И на наш с тобой век нелюди хватит. Чуждые – они же хуже, чем чума. Там хоть хворых видно, да и помирают они сами собой. А паразиты могут тихонько сидеть где угодно. Города, деревни… да даже леса, не мне тебе об этом рассказывать. – Вейра коротко кивнула, а в её глазах промелькнули воспоминания об их первой встрече с роем. – Разгребать этот бардак нам ещё много лет. Не захочешь – а всё равно придётся…

– И когда ты успела так поумнеть? – Беззлобно пробурчала Вейра, приподняв крышку чайника и добавив в него чистой воды. Девушка отчётливо чувствовала горечь чая, но вот сладость сухофруктов проходила мимо неё.

А Айдра между тем чуть покраснела, отвернувшись:

– О чём слышала, о том и говорю. Много ума для этого не надо.

– Отнюдь, Айдра, отнюдь… давай я тебе хоть покажу, как талисманы для кипячения делать. Ты же не умеешь?

– Я знаю одну схему, но от неё посудина плавится… – Нехотя призналась капеллан, наблюдая за тем, как Вейра, отложив кружку в сторону, потянулась за дешёвым пергаментом.

– Это потому, что под разные металлы нужны свои схемы. Смотри…

Вечер продолжился импровизированным уроком, а закончился тихими, деловитыми сборами. Сухофрукты к ночи закончились, талисман прогорел, а чайник – остыл.

Айдра, наплевав на правила, осталась ночевать в «маговской» палатке, заняв свободное место рядом с Вейрой. И несмотря на то, что магесса уже давно заставила себя смириться с одиночеством, присутствие подруги стало для неё той отдушиной, которая позволила девушке сохранить рассудок хотя бы в подобии целостности.

Слушая, как с другого края палатки, раскинувшись на лежанке, посапывает Айдра, а за слоем плотной ткани бушует метель, Вейра утвердилась в одном: что бы ей ни приказали, это не будет отклонением от избранного ею пути.

И её война, её собственный крестовый поход – продолжится несмотря ни на что и ровно до тех пор, пока не сгинет последний паразит…

Или не перестанет дышать она сама.

***

– Торк, будь так добр, принеси пару вёдер чистой талой воды с восточного пласта. И что б ни одной соринки не было. Это важно… – Голос старухи прозвучал настолько же мягко, насколько и непреклонно.

– Я не могу оставить пост… – Начал было караульный, почти сразу замолчав. Не иначе как Изида смерила бедолагу взглядом, не дав толком возразить. – Вы уверены, что имперец не опасен?..

– Ничего со мной не случится. – С тихим смешком отмахнулась Изида, загремев глиняной посудой. – Чем быстрее ты принесёшь воду, тем будет лучше, юный Торк…

Ненадолго установилась тишина, прерываемая лишь завываниями ветра снаружи, да шелестом растираемых в труху сухих листьев.

Я же ощутил на себе внимательный предупреждающий взгляд молчаливого воина, а после лязгнули металлом вёдра, хлопнули прикрывающие вход шкуры – и мы со старухой остались наедине.

Шора она отправила прочь немногим ранее, под предлогом, который мне показался от и до надуманным… как и высказанное ей желание получить талую воду с одного конкретного места, не удивлюсь, если максимально от нашего шатра удалённого .

С учётом её укрепившейся в последние дни манеры разговаривать с «внучком» так, словно на самом деле она обращалась ко мне, нетрудно было предположить, чего ждёт варварша со столь звучным именем.

А ещё моё состояние перестало быть откровенно паршивым, и притворяться бессознательной тушкой становилось всё сложнее с каждым днём. Организм отказывался спать свыше десятка часов в сутки, и всё остальное время мне приходилось лежать, борясь с желанием встать и размяться: тело, с малых лет нагруженное тренировками, протестовало при каждом удобном случае.

«Очевидно, что меня вытаскивали с того света не для того, чтобы тут же и прикончить. А если у старой просто не все дома, и я надумал себе невесть что… пусть так. Хуже будет, если Нериад сам всё поймёт» – подумалось мне перед тем, как я позволил себе вдохнуть полной грудью.

Это простое, в общем-то, действие, подтолкнуло вставший поперёк горла ком, и я зашёлся сухим, хриплым кашлем. Открыл глаза, наклонив голову и взглядом выцепив в полумраке укутанную в грубую, многослойную одежду невысокую фигуру.

Все нюансы «варварских» диалектов пронеслись в памяти, а отдельные слова начали складываться в предложения.

– Кх… Я не причиню вреда. – Уверенность уверенностью, но я всё равно решил подстраховаться, обозначив свои намерения и не предпринимая никаких попыток встать с лежанки. – Меня зовут Даррик Саэль. Я… Кх, капеллан-актуариус…

Голос то и дело пытался сорваться на хрип, но я уже был к этому привычен, и потому легко останавливал подобные порывы.

– Пустое. – Бросила Изида, продолжая растирать листья в каменной ступке. Только её плечи слегка вздрогнули – то ли от смешка, то ли от прикладываемых усилий. – Мы знаем, кто ты по своей сути. А имена – это всего лишь ярлык.

Она обернулась, и свет занимающейся пламенем лучины в её руках резанул по глазам. Я прищурился, но всё равно не смог разглядеть ни лица, ни иных деталей.

– Я… многое могу не понимать. Язык… похож на Имперский, но отличается. Но я не хочу вредить или оскорблять тех, кто спас мне жизнь…

– Это похвально. Бывали на моей памяти случаи, когда наш народ расплачивался кровью за попытку помочь нуждающимся. – Старуха подошла ближе. – Протяни руку. Сумеешь?

Я медленно перевалился на правый бок, опершись на локоть. Поднял и протянул к старухе левую руку, демонстративно держа ладонь раскрытой: едва ли варвары не знали, на чём зиждется основа нашей магической системы.

Но Изида, увидев это, лишь хрипло рассмеялась, сунув мне в ладонь кружку, которую я рефлекторно крепко сжал:

– Ты не сможешь сотворить магию, даже если очень захочешь, Дар`рик Саэль. А силы в твоём теле сейчас не больше, чем в хвором щенке. Выпей, сухость с горла уйдёт.

Я кивнул, послушно поднеся посудину ко рту. Мутная жижа серо-зелёного оттенка не внушала доверия, но я изначально решил считать, что варвары не собираются мне вредить, и потому выпил всё до дна.

На моё счастье, по вкусу эта жидкость напоминала скорее травяной настой, нежели лекарственный состав.

– Благодарю. – Я изобразил некое подобие поклона. – Вы знали, что я давно пришёл в себя. Но почему не попытались заговорить сами?

– Сильнее всего воины страшатся бессилия перед лицом неизвестности, Дар`рик. Потому я сочла правильным дать тебе время и возможность сделать первый шаг тогда, когда ты сочтёшь нужным. Тем более, что времени у нас достаточно. – Водрузив лучину на подставку у опорной балки, старуха улыбнулась.

Впервые я увидел её морщинистое лицо, которое, казалось, не могло принадлежать живому человеку. В Империи до таких лет просто не доживали.

– Сорок четыре… нет, теперь уже тридцать семь дней до полнолуния. Вы говорите об этом сроке?

– Верно. День, до которого ты должен оставаться здесь – полнолуние следующего месяца. Так считают оскорблённые тобой духи, и так видела я, Изида. – Она медленно кивнула, забрав из моих рук пустую кружку. – Я вижу, что тебя обуревают сомнения. Задавай свои вопросы, Дар`рик. Лишь честность и прямота позволяют договариваться людям разных миров…

Я вскинул брови, узнав последнюю фразу:

– Это ведь цитата первого архонта Ордена…

– Цитата? – Изида хрипло рассмеялась. – Нет, уверяю тебя, я никогда не слышала о «первом архонте» Ордена Капелланов. Но мудрость, истинная мудрость, одна на все времена. Самые разные народы независимо друг от друга приходят к ней, облекая мысли в слова…

Старуха отставила кружку и шагнула ближе, протянув сухощавую руку и коснувшись одного из черепов. В тот же миг дымка, тянущаяся к потолку, завихрилась, а я ощутил, как на меня… посмотрели – так это можно было описать точнее всего.

Вот только если обычно я довольно точно чувствовал направление, с которого исходило это внимание, то сейчас источник находился везде и всюду.

– А уж люди… все мы одинаково хотим жить. И в этом суровом мире последнее, что стоит допускать – это вражду человека с человеком. И уж как только об этом ни говорили! Вот только Трагедия Раскола всё-таки произошла. А это значит, что мудрости сильно недоставало нашим предкам, и сейчас ситуация не стала лучше…

– Это правда. – Я медленно кивнул, вцепившись побелевшими пальцами в устилающие лежанку шкуры. – Как бы горько ни было это признавать, но с годами всё действительно становится только хуже. Чуждые…

– Не вспоминай лихо, Дар`рик! – Изида оборвала меня на полуслове. – Не нужно. Ты… сам должен понимать, почему для тебя опасно говорить о рое.

– Вы… – Я сглотнул, вперив взгляд в кажущееся равнодушным лицо старухи. – … вы знаете, как избавиться от этого? От связи?..

Но вопреки моим только что вспыхнувшим надеждам Изида лишь покачала головой, грустно произнеся:

– Нет. Мне не ведомо, существует ли способ избавиться от этой мерзости, не уничтожив разум с одной из сторон. С этой бедой тебе придётся справляться самостоятельно, пусть даже я и хотела бы тебе помочь, мальчик.

Мне осталось только выдохнуть, сцепив зубы, и приложить волевое усилие для того, чтобы вернуться к вопросам, лежащим в другой, более приземлённой плоскости:

– Вы… – Начал я, осторожно подбирая слова. – Вы и ваши соплеменники спасли мне жизнь. Могу я узнать, почему? Ведь между Империей и племенами вашего народа уже давно тлеет искра взаимной неприязни…

– Почему… – Изида хмыкнула. – Хотелось бы мне сказать, что это всего лишь жест доброй воли по отношению к герою, сразившему чудовищную нелюдь… но это было бы ложью. Всё племя и лично я, спасая тебя, преследовали свои, эгоистичные цели…

Я коротко кивнул вслед словам старухи, которые не стали для меня неприятной неожиданностью или чем-то вроде.

По крайней мере, всё это звучало так, словно мне вот-вот сделают предложение, от которого нельзя будет отказаться… и в определённых рамках честный обмен привечал меня больше, чем «безвозмездная» помощь.

– Я готов отплатить за спасение. Хоть сейчас я и не в лучшей форме… – Я покосился на свою грудь, покрытую пропитанными чем-то высохшим повязками. – … но мне есть, что предложить. Сейчас или потом…

Изида цокнула языком, качнув головой:

– Это не тот долг, о котором ты размышляешь, Дар`рик. Металл за металл, кровь за кровь, жизнь за жизнь. Тебе должен быть известен этот принцип…

– Вам нужна помощь со спасением кого-то?..

– Ц-ц-ц. – Старуха подняла указательный палец, зыркнув на меня недовольно. – Не перебивай старших, мальчик. И – нет. Ты прав в том, что долг жизни платится жизнью. Но не той, что мы для тебя сохранили, и не той, что ты можешь сохранить для нас и по нашей просьбе.

«Служба? Это наихудший вариант из возможных. Вейра, Орден… они наверняка меня похоронили, спустя столько месяцев. Но это не снимает с меня обязанности вернуться как можно раньше…» – промелькнула в голове мысль, вызванная пространными и довольно расплывчатыми словами этой странной то ли шаманки, то ли прорицательницы.

А она тем временем продолжала говорить, пристально на меня глядя и, как я понял позже, отслеживая каждую мою реакцию:

– Ты расплатишься с этим долгом, уйдя лишь тогда, когда мы тебя отпустим, Дар`рик. И оставив здесь, в племени, часть себя. Связь по крови, крепкую и чистую…

– Это невозможно. – Бросил я сразу же, как только в моей голове сопоставилось одно с другим. – Просите что угодно, но не это!

– Таков твой долг, Дар`рик. И ты не в праве отказаться от уплаты. – Изида отвернулась, указав на черепа в оголовье лежанки. – Готовый платить по долгам человек – желанный гость в нашем племени. А гостям мы помогаем, даже если те ненароком оскорбили духов. Подумай об этом и о том, что для тебя важнее.

Я понимал, на что она намекает, но всё равно не мог заставить себя согласиться вот так, сходу. Аспект Смерти, застой моей собственной магии, странные ощущения от Потока – всё это недвусмысленно указывало на то, что «духи» действительно могут быть причастны ко всему тому, что со мной произошло, начиная от исцеления и заканчивая наметившейся магической импотенцией.

– Мне ясно, чего вы хотите. Но я не понимаю, зачем. – Тихо произнёс я, поразмышляв пару минуту. Благо, Изида терпеливо ждала и меня не торопила. – Вам нужен заложник? Предмет для шантажа?..

– Заложники берутся силой. – Фыркнула Изида. – А шантаж… нам ничего не нужно от Империи, мальчик. Но духам интересен этот союз, скреплённый плотью и кровью. Будь иначе, и я бы никогда не узнала, где и когда тебя, едва живого, искать.

– А если я откажусь…

– Духи Её просто заберут своё. – Не угрожая, а лишь констатируя факт произнесла старуха. – Твоё тело рассыплется в прах за несколько недель. Мы не будем убивать тебя. Мы просто перестанем удерживать здесь то, чего уже не должно быть.

– Мне… мне нужно время. Это возможно?

– У нас есть по меньшей мере тридцать семь дней, Дар`рик. Ты волен размышлять, сколько тебе угодно. – Изида резко вдохнула, продолжив голосом на полтона ниже. – Но знай: время, проведённое среди нас сверх отмеренного, не принесёт тебе ничего кроме лишений и боли. Я предупрежу караульного и вождя о том, что ты очнулся.

Развернувшись слишком уж резво для своих почтенных лет, старуха накинула на голову капюшон плаща, поплотнее запахнула полы и вылетела наружу так, словно позади неё остался не ваш покорный слуга, раздираемый внутренними противоречиями, а нелюдь какой.

А я…

Я опустился на лежанку, поёрзав и устроившись поудобнее. Взгляд остановился на людском черепе, в глазницах которого плясали слишком уж живые тени.

– Ну и чем я вас обидел? Молчишь? – Изо рта вырвался тяжёлый вздох. – Ничего не даётся просто так, да, Даррик Саэль?..

Риторический вопрос, заданный самому себе, растворился в тишине и мерном потрескивании лучины, которая каким-то образом заглушала даже треск углей в жаровне у входа.

«Выбор между жизнью и смертью для меня очевиден. Но сопутствующие проблемы… да, из-за них мне придётся как следует всё обмозговать»…

Глава 7

– А Даррик – это редкое имя?

– Не сказал бы. Хотя… – Я качнул головой, не переставая растирать в широкой ступке очередную порцию какой-то травы. – … зависит от места. Моё имя пришло из Ровенантских регионов, и там Дарриков в достатке. Был когда-то давно такой человек, исследователь и изобретатель. Почти во всех городах Империи водопровод построен по его чертежам…

– Водопровод… – Задумчиво протянул Шор. – А, не важно. А твоё второе имя? Эль?

– Саэль. – В этот раз сдержать улыбку не получилось. – И это не второе имя, а фамилия. Обычно она есть только у знатных людей – тех, для кого важно отличать «своих» от «чужих» независимо от того, где они и с кем…

Объяснять что-то подростку из варварского племени было сложно, потому что несмотря на в основе своей единый язык, наречия «отщепенцев» севера с годами значительно изменились, и адаптироваться приходилось на ходу.

Иные предлоги, изменённые и порой забытые слова – Шор многого не знал, а объяснять каждый термин было не слишком эффективно там, где требовалось просто переброситься фразой-другой.

С Изидой такой проблемы не стояло в силу её почтенного возраста и огромного багажа опыта, за который, – и за странные способности, – её уважали даже в «не родном», как выяснилось, племени.

– Но я сам к знатным не имею никакого отношения. Просто в Ордене есть такое правило – если ребёнок попадает в обитель издалека, ему дают фамилию в зависимости от того, откуда его привели.

– Это удобно. Всегда понятно, кто твой соплеменник. – Констатировал Шор, вылавливая из котелка очередной лоскут прокипячёной ткани. – Особенно если у вас там и правда так много людей, как говорят…

– Как сказать… в обители кроме меня Саэлей не было. Моя «малая родина» находилась слишком уж далеко, и одарённых детей оттуда привозили в другие места. И у них, конечно же, были другие фамилии – в каждой обители с этим по-своему.

А раньше, до того, как магия Вейры сделала своё дело, вместе с ранами «исправив» и мою память, я об этом даже не задумывался. Знал, что такая фамилия, – Саэль, – для нашей обители уникальна, но не пытался выяснить подробности.

Было ли это влиянием печати, защищающей себя ото всех «факторов риска», или во время обучения мне просто и так было, чем заняться – не суть важно.

Результат этого эксперимента пары не в меру инициативных капелланов всё равно одинаков: я, фактически, рос, ничего не зная о своей настоящей семье. И искренне верил в то, что родные с радостью продали меня в Орден в один из голодных годов – так на расспросы о семье мне отвечали наставники, и я им верил.

«Благо, я хотя бы не проклинал тех, кто отдал меня в орден, как некоторые. Иначе было бы совсем неприятно…» – подумал я, пересыпая толчёные травы в очередной мешочек, уже седьмой по счёту за сегодня.

Работал я медленно, но и тело моё находилось очень далеко от пика своих возможностей. Раны сами по себе беспокоили не слишком сильно, но вот общее истощение не позволяло даже заикаться о том, чтобы вести нормальную жизнь.

Поэтому я в какой-то момент решил помогать Шору с его повседневными обязанностями, заключающимися, в основном, в подготовке расходников.

Повязки, травы, мази – всё то, что было необходимо для заботы о раненых.

А их в племени оказалось в достатке, потому что вопреки идущей войне, о масштабах которой я уже был наслышан, выжившие варвары из самых разных племён стекались сюда, под широкую длань вождя Ан-Нойда. Уж не знаю, каким образом им удавалось оставаться незамеченными, оставаясь на одном месте, но против фактов пойти было невозможно: племя росло, пусть приток этот и обеспечивался в основном женщинами, детьми и ранеными.

– Тогда это очень странно. – Шор задумался. Ненадолго, впрочем. – А вас в обители совсем не учили почитать духов?

Я хмыкнул:

– Нет. Нам рассказывали о том, что племена людей, некогда отколовшихся от Империи, через «духов» взаимодействуют с Потоком, но наша магическая доктрина подразумевает совсем другой подход. – Ещё один мешочек, полный трав, лёг в кучку других таких же. В руках уже осела приятная тяжесть, а дышать стало чуточку сложнее. Я приближался к своему нынешнему пределу. – Капелланы и маги полагаются на выверенные цепочки действий, контроль и предсказуемость магии. Опыт наших предков показал, что все остальные способы намного опаснее, и поэтому от них было решено отказаться…

Я замолчал, когда хлопнули тяжёлые полы шатра, и внутрь, отряхиваясь от снега, зашла Изида. За ней следом, недовольно сопя, ступил Нериад, пристально оглядевший всё ничуть не изменившееся убранство моего нынешнего пристанища, откуда меня выпускали лишь под сопровождением, и только для справления естественных надобностей и мытья.

С последним тут было особенно грустно, потому как у варваров само понятие гигиены находилось на совсем другом уровне, учитывающем реалии их кочевой жизни в вечно холодных пустошах.

– Общаетесь, мальчишки? – Изида окинула нас весёлым взглядом своих глаз, глубоко утопленных в старческой коже. – Как самочувствие Дар`рик?

– Всё лучше, Изида. – Я поднялся на ноги, отложив ступку и пест. Столов тут по понятным причинам не было, так что работали почти всегда сидя. – Шаман Нериад…

– Уже семь десятков зим Нериад. – Проворчал тот, скинув со спины прочную холщовую сумку. За считанные секунды оттуда была ловко извлечена пара небольших сосудов, наполненных всё той же мазью, воздействие которой так меня заинтересовало ранее. – На лежанку, имперец. И в последующие пару часов после нанесения мази не вставать. Сегодня это особенно важно…

– Из-за полнолуния? – Я вернулся на лежанку, устроившись в окружении черепов, которые уже не воспринимались как что-то из ряда вон.

Они стали просто очередным элементом интерьера, функциональность которых была для меня настолько же ясна, насколько и сокрыта.

Пристанища для духов Её – Смерти, аспекта, который, со слов варваров, помог мне победить и выжить.

«А за всякую помощь положено платить. Вот только это чертовски сложно сделать, находясь при смерти и более того – даже не зная о том, что тебе кто-то помог…» – подумал я, повернув голову так, чтобы видеть Нериада, Изиду и Шора.

– Очевидно, имперец. – Шаман откупорил первый сосуд, двумя пальцами зачерпнув мазь, служащую проводником для духов одного из самых жутких аспектов магии. – Сегодня духи близки к нам как никогда. Для тебя это значит, что к ночи они начнут с удвоенным рвением требовать своё. Ты окреп, имперец, но это не сказалось на связи души и тела. Поэтому тебе нужно помочь…

Я вздрогнул, когда Нериад начал наносить холодную мазь.

– Я давно хотел спросить. Её Духи ведь не могли прийти ко мне на помощь просто так, верно? И обычного человека, никак со Смертью не связанного, этот аспект магии может легко убить… – Я говорил осторожно, выверяя каждое слово так, чтобы не оскорбить и не спрово-

цировать шамана – одарённого, смотрящего на Поток и магию совсем иначе, чем учили меня. – Я чувствую, как Её духи воздействуют на моё тело. Но мне не ясны последствия. В Ордене магия представлена цельной, разделённой только на пути, а не аспекты…

– Не продолжай. Все мы знаем о том, насколько ограничена ваша магия, имперец. Хоть и надёжна… – Шаман скрипнул пальцами о глину банки, выгребая остатки. – Ты прав в том, что Её духи не приходят просто так. Нужна предрасположенность, и предрасположенность сильная, коей ты обладаешь с рождения. Иначе Её духи не помогли бы духу устоять в битве, а телу – продержаться достаточно долго.

Старик закашлялся, отвернувшись. Он и сам сильно болел уже не первую неделю, но не отдыхал, занимаясь бесконечным потоком раненых варваров, стягивающихся сюда, как говорил Шор, «со всей пустоши».

– Но ты задаёшь правильные вопросы, имперец. Её духи действительно оставляют следы, которых подобные тебе порой боятся больше смерти. Впрочем… – Он откупорил вторую банку. – … тебе нечего бояться. Загрязнить своё тело и душу можно или злонамеренной магией, или же чужой. Всё остальное растворится со временем, были бы силы. Ну а тебе силы не занимать, и Её аспект покинет тело за считанные недели, коли ты захочешь того.

– Это обнадёживает. – Я облегчённо выдохнул. – Но что насчёт предотвращения рецидива в будущем? Кхм… я имею в виду, что…

– Я прекрасно тебя понял, имперец. – Шаман громко фыркнул. – Изида научит тебя тому, как угождать духам. Но не надейся поставить их себе на службу, мальчишка. Этому учатся не за месяцы, а за годы. И самоучки долго не живут. Понял?

– Понял. – Я коротко кивнул. – И… благодарю.

– Тебе известно наше требование. Лучшей благодарностью станет, если ты не будешь с этим тянуть. Воины должны быть решительными… – Шаман нанёс на моё тело последнюю линию, завершив контур.

Мгновенно нахлынувшее ощущение жара и холода, смешивающихся воедино, отличалось от того, что было прежде. Присутствие чего-то чужеродного, пытающегося пробиться через эту окутывающую кожу пелену, было на целый порядок более явным, а намерения духов аспекта Смерти не отличались доброжелательностью.

Но слова Нериада не позволяли полностью сконцентрироваться на этом ощущении, требуя ответа.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь отделить физический дискомфорт от нависшей надо мной необходимости наконец согласиться и дать спасшим меня людям то, о чём они просят.

– Я помню об этом. И не могу отказать. – Мой голос прозвучал тише, чем мне бы хотелось. – Но я должен знать не только о том, что именно от меня требуется. Вы ведь говорите о ребёнке. Но кто будет матерью? Будет ли у неё выбор? И что будет с самим ребёнком после того, как я уйду?..

В шатре повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей в жаровне. Шор замер с очередной кипой кипячёных тряпок в руках, а Изида продолжила старательно делать вид, что её это не касается.

Нериад, сполна насладившись этой паузой, тяжело выдохнул:

– В кои-то веки старая Изида оказалась права, и конкретные вопросы ты решился задать только мне. Что ж… – Он сцепил руки за спиной, выпрямившись. – Подходящая кандидатка для заключения этого союза уже есть, и да – у неё был выбор. А ребёнка мы воспитаем точно так же, как и любого другого соплеменника, имперец. Он будет обучен всему необходимому и, если на то будет воля духов, станет великим воином или шаманом. Твоя предрасположенность к столь редкому аспекту – великий дар…

«Значит, им всё-таки нужна сила, а «воля духов» здесь замешана постольку-поскольку» – вычленил я самое важное из то ли оговорки, то ли намеренно произнесённой фразы.

Всего лишь холодный расчёт, простой и понятный.

Им требовался редкий дар – аспект Смерти. И племя могло его получить… с моей помощью. Эта логика не была мне чужда, ведь Орден поступал практически так же, отбирая и воспитывая одарённых детей. Даже я сам был «продуктом» такого расчёта, возможно, даже менее лицеприятного…

Но сейчас, когда очередной виток этой повторяющейся раз за разом в разных ипостасях схемы вёл меня к постели незнакомой женщины, я испытывал лишь отвращение и гнев.

– Мне нужно поговорить с той, кого вы выбрали. – Решился я, признав, что и дальше откладывать не стоит. – И желательно в ближайшие дни.

Нериад обменялся взглядами с Изидой. Та почти незаметно кивнула.

– Так тому и быть. После полнолуния, ведь прежде тебе нужно пережить эту ночь, имперец. А для этого… – Он протянул руку к первому из черепов, и сизый дым, вытекая из пустых глазниц, устремился к потолку. Ощущение давления извне мгновенно ослабло, но на смену ему пришла глубокая, леденящая кровь усталость. – … тебе придётся уснуть. Духи сделают свою работу. А мы – свою…

Я не успел ни возразить, ни дёрнуться. Стремительно наступило забытье, в котором был только я – и пристальное внимание Её посланников…

***

– О, Трон! – Я страдальчески воззрился вверх, на низкие тучи, свинцовым ковром устлавшие весь небосвод от горизонта до горизонта. – За что ты так с моими теориями?! Я же почти расставил всё по своим местам!..

Несколько минут тому назад я был уверен в том, что затяжное пребывание в «прошлом» являлось не более, чем последствиями от резкого пробуждения заблокированных печатью воспоминаний. Последствиями, отягощёнными печальным состоянием тела и разума, полностью открытого Потоку… и, возможно, «работой» духов Смерти, которых я каким-то образом прогневал.

Это было логично, и прекрасно «билось» со всем тем, что я знал о магии.

А теперь я, потеряв сознание в шатре, открыл глаза в предместьях города, не узнать который было очень и очень сложно.

Визегельд. Монументальный и мрачный, окружённый высокими стенами, вдоль которых тянулись десятки и сотни трепещущих искр – пламени факелов и жаровен.

За распахнутыми настежь воротами виднелись сиротливо расположенные служебные здания, а через сами ворота, растянувшись на километр с небольшим, тянулась вереница имперских солдат.

Они шли вперёд под наздором весьма приметных капелланских фигур, и по одному лишь их внешнему виду можно было сказать, что идут они не на отдых, а на битву.

«Если предположить, что наша первая встреча с чуждыми не была случайной… да, заражение Визегельда может быть крайне масштабным. И тревога моя в его стенах на это недвусмысленно указывала. Но всё же…». – Я шагнул к ближайшему капеллану, попытавшись заглянуть ему в лицо, но иллюзорный, никак на меня не реагирующий мир точечно расплылся, спрятав все детали. – «В прошлом меня никак не могли сюда привезти, слишком далеко от обители и в противоположном Ровенантским регионам направлении. И по срокам не сходится. Так что же это тогда? Видение? Слишком детальное, слишком конкретное – они такими не бывают. Связь с роем? Если да, то это крайне паршиво».

Я мог бы многое почерпнуть из наблюдения за видением, но всюду, куда я устремлял свой взгляд, «реальность» плыла и растекалась густым желе, сохраняя форму, но лишаясь деталей…

Мне оставалось лишь смотреть за картиной в целом, глядя на то, как армия входит в город, а над стенами, клубясь, поднимаются столбы густого чёрного дыма.

И постепенно, минута за минутой, я подмечал всё больше незначительных на первый взгляд деталей, складывая всё это в нечто цельное, позволяющее точно сказать, что – да, это события не дней минувших, а вполне себе недавние, в пределах нескольких лет максимум.

Геральдика на знамёнах размывалась, но была узнаваема, а цвета на одеждах офицеров в точности соответствовали полкам ныне занимающих свои посты воевод северных регионов. Динамика пересменки знамён и цветов мне была известна из истории Империи, которую я в своё время зачитал до дыр на века вглубь, так что ошибки здесь быть не могло.

И ровно в тот момент, когда я утвердился в своём мнении, свинцовые тучи над Визегельдом закрутились воронкой, а контуры всего вокруг поплыли, словно чернила на попавшем под дождь пергаменте.

А когда «картина» стабилизировалась, вокруг высились наскоро возведённые укрепления, полные солдат, капелланов и магов. Бревенчатые пятиметровые стены окружали весь Визегельд по кругу, наглухо отрезая город от окружающего мира, а через сияющие голубым арки, миновать которые не было никакой возможности, под присмотром арбалетчиков, лучников и орденцев проводили людей.

Женщин и мужчин, стариков и детей, со скарбом и без. Пока арка продолжала светить голубым, вереница продолжала тянуться вперёд. Но стоило только свечению сменить цвет на бордовый, как в рядах орденцев начиналось движение, и человека, на которого реагировала арка, тут же уводили в сторону. И убивали, независимо от того, кем был заражённый.

Я не видел лиц – они были размазаны, как и всё остальное. Но вот атмосферу боли, тоски и ненависти ощущал отчётливо. Люди выполняли тяжёлую работу, убивая тех, кому не повезло оказаться заражёнными. Десятками, сотнями пускали под нож будущих марионеток роя…

Но иллюзорный мир Потока не позволил мне сполна «насладиться» этой картиной, изменив всё вновь.

И на этот раз не было никаких заградительных отрядов и армии, но был подозрительно тихий, кажущийся безжизненным город. Распахнутые настежь ворота, телеги, грузы – я видел всё это в опустошённой погонщиками чуждых деревне.

Только масштабы здесь были тысячекратно большие, а представить себе объём плоти, переработанной роем, я даже не пытался.

Всё вокруг менялось ещё не один, не два и не десять раз. Визегельд предавали огню, брали в осаду, перестраивали, осаждали снова – каждый сценарий в чём-то, да отличался. Это было будущее, которое сулил Империи гигантский рой, опасный не столько размерами, сколько шириной и глубиной подготовки, длившейся десятилетиями.

Визегельд ведь не был единственным городом, а сами чуждые, пользуясь слабостью Ордена, могли уйти на многие десятки дневных переходов вглубь оплота человечества. Где-то их, бесспорно, выявляли, но глядя на Визегельд-из-видений я сильно сомневался в том, что Орден мог эффективно предотвратить распространение заразы в мирное время.

«Да нас даже учили тому, как бороться с отдельными очагами, а не… с этим. Сотни тысяч тварей, пространства размером в несколько регионов, целые заражённые города…» – страшные мысли заставляли сжиматься всё нутро, подтачивая те столпы моей веры в Орден, которые ещё оставались.

Можно было сколь угодно часто морщиться при упоминании радикалов или консерваторов, считая их подходы опасными или неэффективными.

Но одно дело – когда неэффективность выражена чуть большими потерями или трудностями на границах. И совсем другое – когда неожиданно оказывается, что нелюди годами готовились к масштабной атаке, в то время как люди об этом даже не подозревали.

А Визегельд тем временем опустел, начав расслаиваться и растворяться в пустоте. И сквозь могильную тишину, накрывшую весь этот иллюзорный мир, я почувствовал знакомое, но оттого не менее ненавистное присутствие.

Давление на сознание, шёпот на грани восприятия, перекличку на паутине, связывающей между собой тысячи жирных, мыслящих свободно точек.

Рой.

Рой, внимание и размышление которого было направлено не на меня, а на город, на людей, на Орден и на Империю. Огоньки на паутине вспыхивали один за другим, и от них к остальным прокатывались образы, мысли и идеи, предстающие передо мной в виде этой мешанины планов и прогнозов.

Я был неучтённым элементом в этой системе. Невидимым, но способным внимать человеком, по-своему интерпретирующим то, чем на самом деле являлся разум чуждых.

Тогда я видел прошлое через призму связи с Роем, через способность, которой они меня невольно одарили в том лесу. А сейчас мой разум, окрепший и выбитый из тела, сумел воспринять набор возможностей, смоделированных коллективным разумом врага.

Их планы, их сценарии и их цели.

Визегельд не был единственным, и я даже сейчас, просыпаясь, успел уловить местоположение других таких же очагов интереса. Один, десять, двадцать, тридцать – масштабы замыслов Врага поражали, ибо они не шли ни в какое сравнение ни с одним из конфликтов, когда-либо обрушивавшихся на Империю.

Запах трав, бешеный стук моего сердца, тусклые ответы жаровни, пляшущие на стенах шатра – я как мог сопротивлялся возвращению в реальность, понимая, что во второй раз я так легко в «сеть» роя могу и не попасть.

Но человеческая слабость, слабость моя собственная, в который уже раз оказалась сильнее.

Из последних сил выжигая в памяти места и направления, я погрузился в блаженное небытие.

***

Изида вцепилась сухощавыми пальцами в запястье Нериада, остановив маленький костяной кинжал в считанных сантиметрах от горла имперца.

– Не нужно, Нериад. Всё идёт так, как должно.

Шаман, оскалив местами сколотые зубы, попытался высвободить руку, но хватка прорицательницы была по-настоящему мёртвой.

– Он – маяк в ночи для всей той мерзости, от которой мы с таким трудом здесь укрылись!

– Они его не видят. – Коснувшись плоскости кинжала другой рукой, старуха отвела оружие в сторону. – Поверь если не мне, то своей интуиции и духам.

– Это не просто какая-то там связь! – Нериад наконец-то высвободил руку, опустив её. Его взгляд всё ещё был прикован к имперцу, от которого на краткий миг он ощутил… не зловещее внимание роя, но что-то, ему предшествующее. – Он слышит их! Понимает! И духи племени в ужасе, старуха!

– Они лишь увидели то, что увидел он. Ты же видишь, этому мальчишке нелегко пришлось. Но самое страшное уже позади. – Она задрала голову, посмотрев куда-то вверх. – Полная луна сходит на нет, ткани мироздания укрепляются. Если ничего не произошло сейчас, то до следующего полнолуния нам нечего бояться. А если произошло… что ж, значит мы уже обречены.

Нериад ответил не сразу. Он ещё долго сверлил взглядом то Даррика, то Изиду, прежде чем заткнул кинжал за пояс:

– Я сообщу вождю обо всём, что увидел. И… в этом и был весь смысл?

– Новой жизни свойственно избавляться от слабых сторон, укрепляя сильные. – Изида кивнула, улыбнувшись. – Поэтому не торопись рубить сгоряча, Нериад. Дитя скорбящей охотницы однажды спасёт твоих внуков, если мы не совершим ошибку…

– Поэтому я и не люблю прорицателей!.. – Прорычал Нериад после небольшой паузы.

А затем он вышел из шатра, с силой захлопнув полог, лишь бы не видеть больше ни Изиды, ни этого проклятого имперца, над спасением которого он трудился много дней.

Изида же достала из сосуда влажную тряпку, принявшись и дальше протирать полосы крови, сочившейся из носа и ушей Даррика Саэля.

Полнолуние миновало, но это была лишь отсрочка.

Глава 8

«Пытаться уйти раньше срока бессмысленно. Но и проигнорировать всё увиденное я не могу. Вариантов остаётся не так уж и много» – то были первые мысли, промелькнувшие в голове в тот момент, когда я открыл глаза.

Утро после полнолуния встретило меня ужасной мигренью, тяжестью во всём теле и почти физически ощущающейся насмешкой, исходящей от окружающих лежанку черепов. Морозный ветер задувал свежий воздух в шатёр через настежь распахнутый полог, у которого, тихо переговариваясь, стояли Шор и Торк, извечный караульный и мой надсмотрщик, смурое и каменное лицо которого я успел за эти дни изучить во всех подробностях.

– О! Даррик очнулся! – Прямолинейно воскликнул Шор, ничуть не изменивший своим привычкам. – Погоди немного, не вставай. Сейчас весь спёртый воздух уйдёт, да новый прогреется…

Я покосился на жаровню, в которую явно недавно добавили древесины: она ещё не прогорела до состояния углей, и огоньки пламени вздымались на добрых полметра, кренясь в сторону входа.

– Сколько времени прошло?

– Одна ночь, имперец. – Отозвался Торк. – Великий шаман сказал, что тебе сильно повезло.

Руки сами сжались в кулак, а перед глазами встал отпечатанный в памяти образ пространств вдоль северных границ Империи. Я помнил, где находятся «сердца» роя и их скопления на нашей земле. И не забыл бы это ни при каких обстоятельствах.

Но информация во время войны – это товар с истекающим сроком годности. И если я хочу как-то передать сведения своим, то для этого придётся хорошенько так извернуться.

Для начала – заслужить доверие и свободу передвижения по лагерю. Затем – найти способ передать весьма объёмное сообщение. Шансов мало, но попытаться я должен.

«Но строить планы, исходя из наиболее благоприятного стечения обстоятельств – глупость. Так что в приоритете должна быть подготовка к тому, чтобы сразу после полнолуния как можно скорее самому добраться до границы».

И думать, как всё провернуть так, чтобы не попасть к своим раньше положенного, потому что аспект Смерти к моменту моего освобождения не выветрится. А то и укрепится в теле, если Нериад будет активно прибегать к помощи Её духов в вопросе моего исцеления…

Тут гадать бесполезно – придётся действовать по факту.

– Я бы хотел поговорить с Изидой. Если это возможно.

Караульный смерил меня пристальным взглядом, чуть прищурившись.

Его рука сжала рукоять боевого топора, покоящегося на поясе в грубом креплении из кожаных ремней, но агрессии в этом жесте не было. Лично я видел в этом обычную привычку, указывающую на то, что мужчина крепко задумался над чем-то.

– Я передам твою просьбу, имперец. Но до вечера старая Изида занята. Много раненых. – На последней фразе он осёкся, словно изначально не хотел об этом упоминать.

А я увидел в этом резонный шанс узнать хоть что-то о происходящем вокруг. Это сильно поможет мне уже в ближайшем будущем, пусть сейчас и придётся поднапрячься:

– Я могу помочь с заготовкой лекарств или с чем-то ещё. – Я упёрся руками в лежанку и поднялся, чувствуя, как спина тут же отвечает тупой ноющей болью, а в глазах темнеет. Тело вопило о покое, но моя воля оказалась сильнее. – Вы вытащили меня с того света, и я хочу помочь племени всем, чем смогу. Покуда это в моих силах…

Караульный прищурился, приоткрыв рот, но не находя подходящих слов. Зато слова нашлись у Шора, приблизившегося и попытавшегося толкнуть меня в сторону лежанки.

– Ты должен лечиться ещё много дней!

– Но через тридцать суток мне уже предстоит уйти. – Я возразил, улыбнувшись. Это был весомый аргумент в моих глазах, и я считал, что варвары его примут. Особенно если в довесок «приложить» нечто, имеющее вес для каждого из них. – Я уверен в своих силах. И считаю своим долгом помочь племени хотя бы в этом. Клянусь, я не доставлю проблем…

Шор обернулся к Торку, ища в глазах воина поддержки. Вот только мужчина при одном лишь упоминании «долга» уже начал склоняться к тому, чтобы выступить на моей стороне.

– Тяжёлой мужской работы тебе не поручишь, имперец. – Наконец выдавил из себя он. – Возьмёшься ли ты за женскую?

Я медленно кивнул:

– Я не считаю «женскую» работу зазорной, воин. И буду делать то, что потребуется.

– Торк, так нельзя! Он две декады назад даже встать не мог!.. – Шор, впрочем, не торопился менять свою точку зрения. Во многом потому, что своего мнения у него не было, а тут он выступал «эхом» мнений Изиды и Нериада, что порой приводило к забавным казусам. – Старик Нериад будет зол, и бабушка тоже!..

– Они не будут спорить с тем, что племени любая пара рук лишней не будет. – Спокойно парировал Торк. В его голосе прозвучала застаревшая усталость. – Раненых много, дел – тоже. Если имперец уверен, что не надорвётся, то пусть работает. А там Изида рассудит, ибо узнает о том много раньше, чем с ним что-то случится.

Это был не приказ, но и не предложение. Это был вердикт старшего, против которого младший, Шор, просто не мог выступить открыто.

– Ладно… – Нехотя выдавил из себя мальчишка. – Но только на кухне! Или с травами, он тому уже обучен! И я за ним присмотрю!

– Присматривай. – Кивнул Торк перед тем, как в два шага приблизиться ко мне, опустив мощную, не в меру широкую ладонь на моё плечо. – Имперец. Я вижу, как ты двигаешься, и потому скажу одну вещь. За кровь мы берём вдвойне, и никакое пророчество старухи не остановит моих братьев и сестёр, если ты вдруг задумал дурное. Надеюсь, мы поняли друг друга.

– Полностью. – Я кивнул, не отводя от воина взгляда. – Я клянусь честью в том, что не обращу ни твоё доверие, ни доверие племени против вас.

– Слово. – Варвар оскалился, убирая руку и отступая. – Шор, сообщи о нашей задумке старой Изиде и великому шаману. А я сопровожу имперца к… кухаркам.

Шор мигом подобрался, увидев в этом возможность отстоять «своё» мнение. И выбежал из шатра он тоже прежде, чем Торк успел что-то добавить.

Благо, я уже и сам знал, где и что находится, включая мою потрёпанную, но выстиранную варварами и могущую ещё послужить одежду. Не доспехи: те, как и меч с талисманами, предусмотрительно убрали куда-то подальше от меня, в отличие от тряпок.

Я быстро и под присмотром Торка оделся, поверх накинув то, что в этом племени называли плащом – тяжёлое нечто, сшитое из цельных шкур и позволяющее удержать тепло, даже оказавшись посреди пустоши в чём мать родила.

В этом элементе одежды не было ни изящества, ни красоты, чего нельзя было сказать о функциональности.

– Запахни полы понадёжнее. Ветра нынче бушуют… – Торк вышел наружу первым, и я шагнул наружу только после того, как последовал его совету.

В ту же секунду в бок ударил шквальный ветер, а вереница серебрящихся снежинок впилась в лицо, будто бы пытаясь стесать кожу. Сильно помогала месячная щетина, пытающаяся оформиться в бороду и усы: губы пока не мёрзли, чего нельзя было сказать про нос.

Но поселение варваров оказалось достаточно компактным, чтобы мы, продираясь по заметаемым снегом тропкам, добрались до нужного шатра уже спустя несколько минут.

– Леохена! Я привёл к тебе свободные руки! – То, что тут трудятся не кухарки, мне стало понятно сразу же.

Шатёр распирало от сложного, но узнаваемого букета запахов: металлический привкус свежей крови, кислинка гноя, щиплющий ноздри аромат горелой плоти, стоны раненых за многочисленными пологами, переговоры врачевателей… дух войны, который было так сложно забыть, нагнал меня и здесь.

«Вот, значит, как ты решил меня проверить. И благоразумно не оставил «имперца» без присмотра среди одних лишь женщин да стариков» – промелькнула мысль перед тем, как по ушам резанул злой окрик.

– Имперец? Ты приволок имперца?! – От подпорки шатра отлип один из охраняющих помещение воинов, правой рукой вцепившись в рукоять заткнутого за пояс кинжала. – Торк, что б тебя предки выпороли! Ему тут не место!

– Его место там, где скажет Изида, Арак. А пока старухи здесь нет – там, где скажу я. – Торк вышел вперёд, оттеснив от меня своего товарища, и водрузив ладонь на его плечо. – Воин вызвался работать, чтобы не задарма есть наш хлеб. Хочешь отказать ему в этом?

– Он сглазит! Наведёт порчу! – Прорычал Арак, скрепя зубы. Но было заметно, что его пыл уже угасал перед непоколебимой уверенностью Торка.

– Низко же ты ставишь наших шаманов, Арак! – Откинув полог, в общий «коридор» вышла невысокая, но крепко сбитая девушка с закатанными по локоть, испачканными в крови и требухе руками. Она окинула меня взглядом, остановившись на лице.

Задумалась на несколько секунд, после чего решительно кивнула:

– За мной. Надеюсь, ты не боишься крови, Дар`рик. – Я приподнял бровь, но не стал спрашивать, откуда она знает моё имя.

Вместо этого я тоже закатал рукава, двинувшись следом за той, кому не стал перечить даже готовый ещё долго бодаться с Торком Арак.

– Крови я не боюсь. Знаю, как оказывать первую помощь, и…

– Это не понадобится. Пока не понадобится. – Отрезала девушка, откинув один из пологов и пропустив меня внутрь. – Будешь собирать грязные повязки, относить их на кипячение. Помогать остальным, с чем попросят…

Мой мозг воспринимал инструкции, а голова кивала в такт словам девушки… но мыслями я был среди лежанок, тянущихся из края в край. На застеленных шкурами жердях лежали тела. Мужчины, женщины, подростки и даже дети. С отсутствующими конечностями, почерневшими ранами, они бредили, стонали и, в отдельных случаях, тихо плакали, уткнувшись лицами в скошенные стены шатра.

Воздух тут был густым и тёплым от дыхания стольких людей, настолько, что атмосфера собственного шатра теперь казалась мне более, чем сносной.

– Дай руку. – Я вытянул правую, и мне на предплечье повязали цветастую тряпицу некогда синих, а теперь грязных, почти коричневых оттенков. Такая же была и у девушки, разве что стягивала её не простая бечёвка, а выбеленная. – Так все будут знать, что ты тут трудишься, а не просто шатаешься, Дар`рик. И продержись хотя бы несколько часов, чтобы остальные не отвергли тебя после. Понял?

– Понял. – Я перевёл на неё взгляд. – Ты откуда-то знаешь моё имя, но я не знаю твоего. И как я понял, ты тут за старшую?..

Предположение я высказал несмотря на то, что главенство довольно молодой женщины в местном социуме казалось мне чем-то крайне сомнительным. Потому что практически все общества, включая Империю, во многом опирались на возраст человека, а не на его фактические знания или опыт.

С этой вредной привычкой боролись, но вне крупных городов сие было действом практически бесполезным.

А девушка тем временем усмехнулась, качнув длинными, изначально прямыми волосами, ныне собранными в десяток тугих кос:

– Леохена, имперец. И нет, главная тут моя бабка. Но на мне распределение коек и новых рабочих рук. – Она с силой хлопнула меня по спине, заставив меня чуть поморщиться. – Ха. А ты крепкий, с такой-то раной.

Я прищурился, усмехнувшись сквозь боль:

– Как-то слишком много ты обо мне знаешь, Леохена. Но прежде я тебя не видел. – Разве что на правах лекаря она приходила в шатёр, пока я был без сознания. Но тогда почему её не приводили после?

Да и Нериад не раз говорил, что моим лечением занимался он и только он, а Изида «мешалась, занимаясь непонятно чем». И вплести в схему четвёртое действующее лицо, помимо Шора в роли «принеси-подай», у меня не получалось.

– Типичный мужлан. – Леохена грустно усмехнулась, отвернувшись. – Даже не поинтересовался, с кем придётся возлечь. Идём, покажу, где мы стираем и кипятим тряпки…

Я застыл, потому что меня как обухом по голове приложили. Внутри резко вскинулось всё: и гнев, и отвращение, и холодный ужас от того, что абстрактная «кандидатка» в один миг обрела голос и лицо.

А ещё оказалась в двух шагах, и явно не собиралась никуда исчезать из огромного шатра, в котором мне предстояло провести ближайшие часы.

– Иду… – Я двинулся за ней, едва совладав с эмоциями.

Я шёл за Леохеной, на автомате пропуская мимо других лекарей и их помощников. Голова была занята целой охапкой всколыхнувшихся мыслей, которые пришлось чуть ли не силой задвигать подальше, «на потом». Очередь на осмысление только росла, а привыкший не просто решать все вопросы сразу, но и многое планировать наперёд разум содрогался в ужасе от масштабов нарастающих поверх неотложных дел завалов, но делать было нечего.

Реальность в принципе оказалась куда менее прогнозируемой и понятной, чем я думал в обители. И теперь мне приходилось расхлёбывать последствия своей слабости – как слабости тела с магией, так и слабости духа, из которого наставники не сумели выковать настоящего капеллана.

Тем временем меня привели к одному из входов в шатёр, туда, где полог был распахнут, а морозный воздух старательно выталкивал наружу смрад варёной крови, мяса и гноя.

Вдоль стен шатра над огнём были подвешены котлы, вокруг которых трудились, сопя от натуги, подростки. Они палками перемешивали тряпьё в котлах, вынимали его, бросали в корыта, отжимая и проверяя чистоту. Тут же его полоскали и выносили наружу, туда, где вдоль тропинки тянулось широкое кострище, пульсирующее тлеющими углями и укрытое жердями, на которых сушили выстиранную ткань.

Несмотря на сквозняк, пар достигал концентрации, от которой щипало а глаза, а запах щёлока вблизи напрочь перебивал всё остальное.

А Леохена тем временем проследила за моим взглядом, кивнув удовлетворённо:

– Бери корзину, не медли. Чистой ткани всегда не хватает. – Хотелось сказать, что «чистой» эти тряпки назвать сложно даже после обработки, но я промолчал. Варвары явно не от хорошей жизни занимались всем этим, вновь и вновь используя то, что давно стоило выбросить. – И не лезь к раненым без спроса. Не разговаривай с ними. Многие тут в бреду, многие не знают о тебе, многие – не из нашего племени.

– Не из вашего? – Автоматически переспросил я, поднимая в голове обрывки разговоров Изиды и Нериада.

Они не единожды упоминали о том, что местный вождь собирает под свою руку выживших. И я знал, что сама Изида и Шор – из числа тех, кому повезло добраться до сюда.

Но вот масштабы от меня ускользали, и только тут, вспоминая «математику войны» и видя количество серьёзно раненых людей, порой не ходячих и с запущенными ранами, я понимал, сколько на самом деле варваров «влилось» в это племя.

И сколько погибло и погибнет, не добравшись досюда.

– Ты сюда болтать пришёл или работать, Дар`рик? – Последовал закономерный вопрос от девушки, уже двинувшейся куда-то вглубь шатра.

– Прости. Задумался. – Я поднял с пола приличных размеров корзину, ещё раз окинул взглядом перешёптывающихся и искоса на меня поглядывающих подростков… и, выдохнув, постарался очистить голову, двинувшись в другой конец этого пристанища умирающих.

За каждым из пологов я видел людей, борющихся за свои и за чужие жизни. Собирал грязные бинты и тряпки, трамбуя всё в корзину и не отвечая на лишние вопросы.

«Кто?». «Помощник».

Я мог бы сказать больше, но это значило бы остановиться, взять передышку тогда, когда мои руки ещё были нужны. Дети и подростки плохо справлялись с этой грязной и тяжёлой работой – пропитанные кровью, водой и мазями ткани были тяжёлыми, а забирать их приходилось оттуда, где порой мутило даже меня.

Та передышка после столкновения с чуждыми далась мне намного легче, ведь среди раненых были, по большей части, мужчины – охрана каравана и орденцы. Потому что тогда нам всё же удалось удержать основную массу тварей, не допустив худшего.

Здесь же раненых воинов было от силы половина от общего числа.

Скорее всего, как и в случае с Изидой и Шором, мужчины спасающихся бегством племён погибали первыми, а дальше за жизнь боролись все, кто мог держать оружие. И основной угрозой для обескровленных людей стали не чуждые, которые просто не оставили бы за собой выживших, а хищники и непогода.

Возможно, другие люди или разумные нелюди – ран от оружия тут тоже было порядком.

Поэтому я намеренно отстранялся, как учили в обители. Не позволял себе всматриваться в детали и лица. Видел только задачу и наиболее эффективные пути её выполнения.

Так работа казалась просто трудной. Монотонной, грязной и утомительной, но не более того. Периодически, когда новое тряпьё только скапливалось на местах, я занимал свободное место у одного из «холодных» котлов, полоща повязки, смывая с них основную массу крови, ошмётков плоти и клочков кожи.

Поначалу руки немели в ледяной воде, пока я не соорудил снаружи, с краю «сушилки», ещё одно посадочное место для котла, и не организовал хоть какой-то её предварительный подогрев. Стало легче и мне, и подросткам, руки которых по самые локти выглядели так, словно им самим скоро потребовалась бы медицинская помощь.

А на исходе четвёртого часа, когда сбор тряпок, полоскание, их кипячение и сушка превратились в нечто рутинное, в голове завихрились мысли.

«Леохена. Изида назвала её «скорбящей охотницей». Скорбящей… кого она потеряла? И почему согласилась на эту сделку? Из долга или страха? Из ненависти к чуждым? Слишком мало информации, да и сути дела это не меняет. Интересно, Харр бы тоже так обсасывал эту мысль?..».

– Дар`рик, нужно новые собирать! – Звонкий голос одного из подростков заставил меня отступить от котла, вытащив из воды покрасневшие руки.

– Сейчас займусь. – Поведя плечами и распрямив ноющую спину, по которой потихоньку начинало расползаться онемение, я подхватил корзину и нырнул за ближайший полог.

По-хорошему следовало начинать от главного входа – так ходить было меньше, но сейчас там вновь засуетились, вынося наружу безнадёжных и занося новых раненых. Именно сегодня

это происходило уже во второй раз: охотники и следопыты племени потрудились на славу, найдя и сопроводив сюда две группы выживших.

– Вода… – Перекладывая тряпки из малой корзины в свою, я услышал тихий, надтреснутый голос. Обернулся, сфокусировав взгляд и тут же пожалев об этом.

В углу, на низкой лежанке, лежала девочка. Лет десяти, не больше. Её лицо было бледным, почти прозрачным, а губы – растрескавшимися до крови. Одеяло из шкур, натянутое до подбородка, неестественно плоско лежало ниже бёдер. Её лицо обрамляли светлые волосы цвета спелой пшеницы, а бледно-золотистые глаза, огромные и затемнённые болезненным блеском, смотрели на меня не с мольбой, а с простейшей животной потребностью. Жажда, и ничего более.

«Невозможно ненавидеть чуждых сильнее. Но…».

Я оглянулся, никого не увидев. Оставил корзину и вышел в общий «коридор», в котором, помимо всего прочего, стояли бочки с чистой кипячёной водой. Взял одну из чистых кружек, зачерпнул деревянным ковшом.

Вернулся, опустившись на корточки у лежанки:

– Вот.

Девочка жадно прильнула к кружке, немного облившись, но выпив всё до последней капли.

– Ещё… – Уже чуть увереннее прошептала она, вперив меня взгляд таких похожих на её глаз.

Я встал, как вдруг позади хлопнула ткань, и в этот крошечный закуток шагнула Леохена.

– Что ты делаешь? – Спокойный, слишком спокойный голос. И взгляд – прямой, усталый.

– Она просила воды, больше никого рядом не было. Я дал. Это не заняло много…

Леохена подняла руку, и я замолчал. Проскользнув мимо меня, она опустилась на колено перед девочкой, поправив одеяло. Та снова ушла в себя, и ни на что не реагировала, уставившись в потолок.

– Её зовут Лира. – Тихо сказала девушка, поднявшись и поджав губы. – И у неё гангрена. Она попала к нам слишком поздно. Великий шаман сказал, что Её духи уже вцепились в добычу. Завтра утром – обряд, который позволит ей уйти без боли.

Она говорила с напускным равнодушием, но кулаки сжимала до белизны.

– Вода не изменит исхода, только прояснит рассудок ненадолго. – Продолжила Леохена, глядя на меня. – И продлит мучения. Ты думал, что сделал добро? Ты ошибался. А теперь бери корзину и продолжай работать, если можешь.

Я на секунду сжал веки. Хотелось сказать что-то, оправдаться… но рационально смотрелись только проклятия в адрес Трона, чуждых и всей этой реальности.

«Не лезь, куда не просят, Саэль».

«Не всегда последствия очевидны».

«А благими намерениями, Даррик, вымощена дорога в Бездну».

Голоса наставников насмешливо перекликались в голове, пока я, давя эмоции в зародыше, поднимал корзину и выходил в «коридор», чтобы продолжить собирать тряпки. Тело гудело от нагрузок, но я знал, что уйду отсюда лишь тогда, когда сил хватит только на путь до своего шатра.

Борьба – она бывает разной. И если сейчас у меня хватает сил только на такую её разновидность… пусть. Я жив, и через тридцать дней вновь встану в строй. Возьму в руки меч, получу новый перстень и сделаю, что должно.

А пока – корзина, тряпки и котлы.

[Арка VII: Обретение]. Глава 9

В шатёр я вернулся лишь к ночи, после того, как меня вместе со многими другими помощниками вытолкали из «палат исцеления», прогнав через бани и накормив едой, выгодно отличающейся от уже ставшей мне привычной.

Не «пустая» и пресная каша, а вполне сносная похлёбка с мясом и заветрившимися, но всё ещё сытными травяными лепёшками. И вместо воды – жирное молоко, ухнувшее в желудок словно в ненасытную, но очень довольную таким положением вещей бездну.

В иной раз я бы порадовался таким изменениям, но даже вкусная еда не могла перебить преследующие меня фантомные «ароматы» лечебницы племени, откуда выносили больше мёртвых, чем отпускали живых.

Да, у племени были свои умелые лекари и опытные шаманы.

Но первым недоставало ресурсов, а вторым – личной силы и выносливости.

Ведь что бы варвары ни говорили о своих духах, но основная нагрузка при колдовстве, даже опосредованном, ложилась на плечи самих колдующих.

Шаманизм просто позволял отдать на откуп духам нюансы творимых заклинаний и ритуалов, уповая на то, что они сделают всё как надо. Но саму магию духи извне не приносили – они черпали её вместе со словами и речитативами взывающих к ним шаманов. Как я это узнал? Это ещё одна причина, по которой я никак не мог уснуть.

Магия возвращалась ко мне.

Не в том виде, в котором мне бы того хотелось, но к концу дня в «палатах исцеления» я заметил, что работа шаманов перестала выглядеть для меня бессмысленным нагромождением ритуальных жестов и гортанных речитативов.

Поначалу я списывал всё на изнеможение, на галлюцинации, порождаемые смертельно уставшим мозгом. Но симптомы не проходили. Они вспыхивали снова и снова, постепенно становясь неотъемлемой частью новой реальности.

Движения теней вокруг занятых работой варваров-одарённых, проникающий сквозь одежду холодок, доносящийся из палат с, как потом оказывалось, мёртвыми – всё со временем становилось только сильнее, явственнее.

Картина обретала цельность вплоть до того момента, когда даже смертельно уставшему мне стало очевидно – я начал как никогда чётко ощущать Поток…

«И аспект Смерти, являющийся его неотъемлемой частью» – подытожил я, сидя на лежанке и сжимая в руках обожжённую, шершавую деревянную кружку.

Не все шаманы работали с Её духами, но отчётливо и напрямую я ощущал лишь работу Нериада… и смерти тех, кому не удавалось помочь.

Я раньше всех прочих понимал, где испускал свой последний вздох очередной человек. Видел, кого готовятся прибрать к рукам Её духи. Замечал, как Поток изменяет своё течение, реагируя на каждое наше действие – на своевременную замену повязок, на варку настоев, на ошибки лекарей, на скорбные вести.

Само это не было для меня в новинку, потому как теория Потока ясно описывала его влияние на сущее и зависимость от него же.

Вот только раньше у меня просто не было возможности увидеть это воочию – погружаясь в медитацию, я рассматривал Поток вне тела, и отдельно от пяти органов чувств. Эти два пласта, две реальности – материя и магия, не наслаивались друг на друга, как сейчас.

Теперь всё стало иначе.

Я «видел» магию постоянно, а привычные способы обособиться от Потока и закрыться «в себе» не работали. Отголоски магии наслаивались на зрение, на слух, на обоняние, на осязание

и даже на вкус. Можно было закрыть глаза и заткнуть уши, но это было борьбой с последствиями, а не с причиной.

И я почему-то был уверен в том, что «борьба с причиной» сейчас будет сродни попытке отрубить себе ногу потому, что та онемела и приносит дискомфорт. Не знание, но субъективное ощущение, подкреплённое интуицией.

А своей интуиции я доверял, и потому сейчас пытался привыкнуть к этому новому «фону», не закрыться от него, а поставить себе на службу.

Даже в моём нынешнем удручающем состоянии новый «орган чувств» приносил немалую пользу – я ощущал всех живых, проходящих мимо палатки, воспринимал температуру снаружи, улавливал отголоски чего-то бесконечно далёкого, но достаточно масштабного, чтобы это вообще можно было почувствовать.

Всё это наваливалось на меня раз за разом всей своей массой, словно из намерения раз и навсегда похоронить «неучтённого слушателя».

А я – снова и снова учился фильтровать лишнее, обращая внимание только на самое важное. На людей, снующих вокруг. На их эмоции и намерения. На структуру Потока, отражающего всё сущее не просто на словах в книгах, а так, что я действительно мог это почувствовать лично.

Почувствовать – и понять энтузиазм наставников-теоретиков в обители, с таким воодушевлением рассказывающих о материях, капелланам недоступных.

Я обернулся ко входу в шатёр за несколько секунд до того, как обострившийся слух уловил поскрипывания снега, к ночи устлавшего проторенную за день тропинку.

Нериад.

Он по-особенному выделялся в Потоке. Не просто часть его, а огромный пласт льда, вопреки всему плывущий не по течению реки, а против него. Именно Нериада я ощущал ярче всего в «палатах исцеления», потому что он был очень тесно связан с аспектом Смерти.

«Моим аспектом. Это нельзя больше отрицать» – позволил я оформиться очередной переворачивающей мою жизнь с ног на голову мысли.

– Не спишь. – Утвердительно бросил шаман, зайдя в шатёр и скинув на пол рядом с жаровней покрытый россыпью ледяных песчинок плащ. После этого он перевёл на меня взгляд, а я наконец-то заметил, куда старик смотрел на самом деле.

Не на меня, не на раны и не на повязки, а на саму Смерть, саваном укрывающую моё тело с неясными намерениями – то ли из желания защитить, то ли в попытках наконец-то забрать своё.

– Палаты исцеления открыли тебе глаза, имперец… – Нериад сухо закашлялся, подходя ближе. – Это был желанный, хоть и почти невозможный исход.

– И чем это чревато? – Я посмотрел на старика, силясь разглядеть в его мимике что-то, что позволило бы отделить правду ото возможной лжи и наоборот.

Вот только что толку в наблюдении за мимикой человека, всё внимание которого приковано к чему-то, понятному ему одному? Я же не просто видел меньше, чем он. Я понимал одну сотую от увиденного, и в этом была главная засада.

Невозможно просто взять – и сходу освоить нечто новое и настолько масштабное, перекраивающее привычную картину мира.

– Чревато… – Нериад качнул головой, скинув с плеча исхудавшую за день сумку с расходниками. Наружу показалась уже знакомая мне, почти пустая баночка с особой мазью. – Ты невольно прошёл инициацию как Её проводник, к добру или к худу. У нас это делают, пока отмеченный Потоком ещё мал и пластичен. У вас, капелланов, это считается запретной техникой. Мы тренируем будущих говорящих-с-духами с малых лет, наставляя и позволяя вернуть изначальную гармонию восприятия смертного мира. А тебя так обучить будет невозможно. Ты уже не молод, имперец.

Он помолчал немного, изучая не меня, но то, что витало вокруг.

– Ты восстанавливаешься куда быстрее ожидаемого. Это говорит о том, что Её духи приняли тебя, и способствуют заживлению ран. Они заполняют собой пустоту, пытаясь установить баланс там, где его не было изначально. – Он цокнул языком. – На лежанку, имперец. На чём я остановился?..

– На балансе и последствиях. – Подсказал я, не выдержав затянувшейся паузы.

Старик усмехнулся, дав понять, что «нить разговора» он на самом деле не терял.

– Последствия, имперец, слишком обширны, чтобы поведать обо всём за один вечер. Но твой главный страх, твоя боязнь оказаться чужаком среди своих товарищей… Нужно ли объяснять, что Её духи укореняются в тебе, и сокрыть это будет очень непросто?

– Но возможно? – Я вскинулся, ухватившись за эту возможность.

– Не дёргайся! Одно неверное движение – и весь узор придётся переделывать! – Старик выругался, зачерпнув из банки ещё мази. – Возможно, имперец, возможно. Такое делают иногда с теми, кто не способен принять дар духов. Кости…

Он окинул взглядом нагромождения черепов вокруг моей лежанки. Их за эти дни стало меньше, но они не пропали совсем. А оставшиеся по большей части принадлежали диким зверям, одним своим присутствием подталкивая духов аспекта Смерти к исцелению плоти.

Людские же черепа изначально требовались в качестве «якорей», удерживающих тут мои разум и душу.

– Кости, имперец, важнее, чем кажется. Основа скелета, без которой мышцы ни на что не способны. И настоящее средоточие жизни, вопреки мнению глупцов. – Старик повернулся ко мне. – А ещё кости достаточно стабильны, чтобы их можно было использовать в самом разном качестве. Даже если они всё ещё находятся внутри тела…

Всё моё естество замерло от этих слов, а мозги заработали с новой силой.

Но сколько бы я ни сопоставлял известные мне ритуальные схемы и знания о магии и артефакторике с увиденным здесь, механизм такого «использования» костей в теле не укладывался в голове. Я даже вообразить его не мог, настолько чужеродным он являлся.

«И запретным. Кровь использовать дозволяется лишь в ряде случаев. А плоть и кости… это та часть магии, за которую путь один – на костёр».

– Это возможно сделать за оставшееся время? В чём принцип? И… – Я облизал пересохшие губы. – Что я за это буду должен?

«Ненавижу долги. Но и жить отшельником вдали от Империи я не намерен. Это тоже вариант, но Вейра…».

А шаман тем временем закончил с нанесением мази, распрямившись и бросив опустевшую банку в сумку. Но вместо того, чтобы уйти, как обычно, он уселся на низкий стульчик, оставленный здесь Шором.

– Очень правильные вопросы, имперец. На тебя мне придётся потратить время, и его ты компенсируешь трудом в палатах исцеления. Одно твоё присутствие там уже положительно сказывается на раненых и больных – это свойство присуще всем сильным проводникам Её. – В ответ на мой медленный кивок Нериад удовлетворённо хмыкнул. – И для тебя это тоже полезно. Близость Смерти отныне твой самый надёжный товарищ. Что же до принципов… суть в том, чтобы запереть Её аспект и Её духов в костях, давая им выход лишь тогда, когда нужно.

– Или не давать вообще? – Я с вопросом воззрился на шамана. – Этим методом вы лишаете способностей тех, кто не в силах их выдержать? Навсегда запирая Её аспект в костях, без последствий?..

– Всё так. Но последствия… они есть. Слабость, преждевременное старение. – Старик качнул головой. – Только если не давать этой силе выхода хотя бы время от времени, конечно же. И по времени всё займёт не больше декады. Но это будет больно и вымытывающе из-за спешки.

Я поджал губы, нахмурившись.

Времени до моего отбытия – почти три декады. Но нужно заложить время на освоение этой способности. Очевидно, поэтому Нериад говорит о спешке: мало дать мне инструмент, нужно заложить основы для его использования.

«Иначе это будет сродни отсрочке» – кивнул я в такт своим мыслям. А вслух произнёс другое:

– Боль меня не пугает, Нериад. Но… этот метод поможет с тем, чтобы сокрыть аспект Смерти в моём теле от внешних наблюдателей? От магических проверок?..

Старик хохотнул:

– Никто не смотрит на кости, выискивая неладное, имперец. Но твоё незнание таких основ, как сопротивляемость кости, удручает. Империя могла отбросить многое, но почему-то избавилась от самого полезного…

– Ради стабильности. Капелланы реже всех прочих поддаются ереси, переступают Предел и впускают в материальный мир тварей из-за Кромки.

– Вот только платите вы за это силой, имперец. Духи позволяют нам находить тварей роя, где бы они ни были и под какой бы личиной они ни скрывались. Мы веками обитаем здесь, среди пустошей, что некогда принадлежали долгоживущим иродам, а после отошли Империи. И чуждые были здесь всегда. – Нериад оскалился. – Но наши предки выживали здесь. Жили здесь. Знаешь, когда всё изменилось?

Он выдержал небольшую паузу.

– Когда у нелюди появился источник дармовой пищи и материала для размножения. Раньше им приходилось бороться за выживание с диким зверьём, а мы и ироды сдерживали их популяцию. Но после в регион пришла Империя…

– Раньше я бы попытался это оспорить. – Выдавил я из себя спустя несколько секунд. – Но теперь не исключаю такой возможности.

Арки, ручные обследования, опосредованные признаки – всё это не могло дать необходимого эффекта против настолько массового и разумного явления, как нынешний рой. Дорог слишком много, чтобы можно было перекрыть их все. Появление лишних людей в крупных посёлках можно и не заметить. Да и чуждым не нужны именно люди: они прекрасно уживаются и в диком зверье.

«Как Империя вообще устояла против такого противника? Просто потому, что рой прежде не получал возможности набрать силу? Всего лишь совпадение, череда счастливых случайностей?..».

Выдохнув, я продолжил:

– Но мы отклонились от темы. Что от меня требуется для того, чтобы провести этот ритуал?

Нериад изучающе посмотрел на меня. Его взгляд, казалось, взвешивал не столько мою готовность, сколько саму возможность успеха сего предприятия:

– От тебя потребуется терпение, выносливость и абсолютное доверие. – Последние два слова он проговорил медленно и чётко, без единого намёка на шутку. – Доверие, которого между нами нет. Ты не сможешь «отойти в сторону» добровольно. Поэтому будет больно, имперец. Боль в данном случае станет инструментом, который заставит твой разум отступить… и позволит духам сделать свою работу. Ты должен будешь погрузиться в состояние, близкое к тому, в котором был после битвы. Осознанно встать на грань между жизнью и смертью. Только тогда кость станет достаточно восприимчивой, чтобы принять в себя Её силу.

Я медленно кивнул. Ранее я ничуть не преувеличил, когда сказал, что боль меня не пугает. Потому что, кажется, я познал все её оттенки: боль, мешающую защитить самое дорогое. Боль слабости и бессилия. Боль тяжелейших выборов.

Боль, предвещающую смерть.

Всё это было чем-то знакомым и неотделимым от моего пути.

И практика показывала, что за всё, за каждый чих и за каждую возможность приходится платить болью, так или иначе.

– И как это будет происходить? – Спросил я, обратившись в слух.

Я желал понять механизм если не «от и до», то хотя бы в том виде и в той форме, чтобы после можно было бы разобрать всё пошагово, выявив слабые и сильные стороны ритуала.

В то, что у варваров есть полностью рабочий и беспроблемный магический инструмент мне верилось не слишком сильно: Империя ещё не выбрасывала из своей магической доктрины ничего действительно полезного и при этом не щеголяющего целой россыпью побочных эффектов.

Какие конкретно были подводные камни в данном случае? Неизвестно.

Но Нериад обмолвился о том, что обычно они эту процедуру проводят на детях и подростках. Как себя поведёт ритуал со сформировавшимся телом, разумом и духом – большой вопрос.

«Вот только выбор у меня всё равно невелик. Или-или».

– Я вскрою часть твоих застарелых ран, имперец. Неглубоко, так, чтобы выступила кровь. После этого я смешаю её со своей… – Нериад поймал мой вопросительный взгляд. – Кровь – это мост для духов. Моя – чтобы задать направление. Твоя – чтобы указать путь внутрь. Духи войдут в тебя через раны. Пройдут по жилам к костям, и останутся там. Заключённые, но не исчезнувшие.

– Но ведь проблема не в духах, разве нет? – Я подался вперёд. – Я аккумулирую не их, а сам аспект Смерти…

Нериад устало вздохнул, посмотрев на меня с укором:

– Имперец… ты пытаешься строить догадки на основе своих обрывочных знаний. Даже не знаний – наблюдений, ведь духи для тебя сродни игрушке или «варварской присказке». Но я объясню. Магия, аспект сам по себе – это вода. Она стекает с вершин и заполняет низины просто потому, что такова суть вещей. Ты пробудился как Её проводник, и теперь вся «вода», оказавшись рядом, стекается к тебе. Но что есть низины? Почему их нет в телах обычных людей, для которых Её аспект – сродни смертному приговору?

Я промолчал, понимая, что вопрос риторический. И угадал, потому что Нериад почти сразу продолжил:

– Её духи, имперец, и являются тем, что образует эти низины. Нет духов – и в человека ничего не «стекает» даже на поле боя или посреди лечебницы.

– А если «низины» запереть в костях, то со временем аспект Смерти вне костей развеется естественным образом. Благодарю за разъяснения, Нериад…

– Пустое. – Шаман отмахнулся. – Это не секрет, и орден ваш знавал и поболе, коли в руки квесторов попадали говорящие-с-духами. А для тебя это знание жизненно необходимо, имперец. Теперь же слушай. День, когда мы всё сделаем – середина месяца. Но перед тем тебе необходимо подготовиться…

В эту ночь уснул я поздно не потому, что сон не шёл. Просто список требований Нериада был настолько велик, что только на то, чтобы его озвучить, ушло почти двадцать минут. А уж запомнить…

Но теперь у меня был какой-никакой, но план.

Плохой, опирающийся на чужие силы и чужие знания, но понятный, оправданный и сулящий возвращение в мои руки контроля над собственной жизнью…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.